

Наталья КОЛЕСОВА

П И Ф И Я

Повесть

**Новокузнецк
2019**

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Наталья КОЛЕСОВА

ПИФИЯ

Повесть

Новокузнецк
«Ник без Компані»
2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К60

КОЛЕСОВА Наталья

К60 **Пифия** : повесть / Наталья Колесова ; Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк: Ник без Company, 2019. – 84 с.
16+

Новая фантастическая повесть новокузнецкой писательницы, которую раньше можно было прочитать только в интернете.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Фото Валерия Немирова

КОЛЕСОВА Наталья Валенидовна родилась в Новокузнецке. Закончила филологический факультет Кемеровского университета. В КЛФ «Контакт» пришла в 1991 г. Активный участник ролевого движения. Первая публикация – повесть «Голубая пантера» – в газете «Новокузнецк без политики» в июле-сентябре 1996 г. Пишет и нефантастическую прозу.

В конце 2007 года в московском издательстве АСТ вышел роман Натальи Колесовой «Карты судьбы». С 2009 по 2018 год в издательстве АСТ, а затем «Эксмо» вышло ещё шесть романов Натальи Колесовой, а роман «Сказки Волчьего полуострова. Король на площади» вышел и вторым изданием в покетбуке.

В Новокузнецке вышло восемь книжечек Натальи Колесовой.

В древней Греции – жрица при храме Аполлона восседавшая на треножнике над расселиной скалы, откуда поднимались одуряющие испарения, и произносившая под их влиянием бессвязные слова, которые в загадочной, двусмысленной форме истолковывались жрецами как пророчания, пророчества.

(истор.)

Люди хотят знать своё будущее. Это непреложный закон человеческой психики (как и неумение этим знанием в дальнейшем распорядиться). Карты, кости, бобы, внутренности животных и людей, руны, звёзды, гороскопы, – к чему только не прибегают, чтобы хоть глазком заглянуть в завтрашний день...

А ещё есть мы. Пифии.

Пифиями рождаются.

Пифиями становятся – в Школе Пифий. Если, конечно, какой-нибудь взрослый вовремя обратит внимание на невнятное бормотание младенчика в памперсах. Обратит, прислушается. Поймёт, что бесконечное повторение одних и тех же звуков и слов – не детская игра, не выполнение домашних заданий от логопеда и даже не синдром навязчивых состояний. И принесёт ещё не умеющую ходить (приведёт умеющую, приволочёт убегающую) малышку (девочку, девушку) на собеседование к Мадам в ШП.

Знаете, почему младенцы так часто и горько плачут? Просто они видят своё будущее.

Можно бесконечно упражняться в остроумии в отношении прозвища Главной Пифии. Говорят, в борделе, как и в нашей школе, одни девушки. И возглавляет дом терпимости тоже самая изощрённая в искусстве, самая опытная и предприимчивая мадам. Вполне возможно, у неё такой же змеиный взгляд и голос, от которого у девушек отнимаются ноги. Но так уж сложилось – никто директрису в глаза иначе не называет (промолчу о кличках, которыми мы награждаем её про себя или вслух, но в своих комнатах, Мадам бы они только порадовали). Сама Главная наверняка давно уже забыла имя, данное ей родителями при рождении. Да и наши ей не важны. Одним изменением, одним переливом интонации она даёт знать – кто из нас в данный момент её жертва.

Как вы понимаете, я в своё время не сумела укрыться от зоркого взора моего дядюшки (упокой его, господи, да покрепче!) и не успела

вывернуться из цепкой руки, протащившей меня через весь город к серым ступеням Школы.

В само здание абы кого не пускают. Мадам выходит к претенденткам сама.

Вот и тогда, перестав нить, я уставилась на медленно спускавшуюся к нам старуху. Девочка не из пугливых, я с интересом наблюдала, как длинный подол её платья (сутаны? балахона?) сметает со ступенек шелуху и окурки. Лишь когда она остановилась прямо передо мной, я взглянула старухе в лицо.

Старуха? Сейчас я в этом не уверена. За годы моей учебы Главная Пифия не изменилась ни на йоту. Бледное острое лицо, тёмные круги вокруг глаз (плохие сосуды? почки? печень? привычка ложиться спать лишь на рассвете?), греческий профиль (один из признаков истинной пифии, уверяют знатоки), ненакрашенные поджатые губы...

Дядюшка отвесил торопливый поклон – до этого я только в исторических фильмах видела, как люди кланяются.

– Добрый день, Мадам! Это моя племянница Цыпилма, думаю, она...

Всю жизнь буду благодарна маме, наградившей меня именем своей бабушки! Сестрице повезло больше – отделалась Аюной.

Мадам не интересовало, что думает дядюшка. Мне понравилось, как она велела ему замолчать одним движением длинных тонких пальцев – и ведь дядюшка послушался! Тогда я ещё не знала, что в ближайшие годы точно так же она будет управлять и мной.

Позже я узнала, что обычно Мадам разговаривает с претенденткой, задаёт ей вопросы, загадывает загадки. Почему со мной всё ограничилось лишь долгим пристальным взглядом – не знаю до сих пор. Мадам резко кивнула (то ли мне, то ли дядюшке), так же молча повернулась и пошла наверх.

– Иди, Цыпилма! – шепнул мне дядюшка. – Счастье тебе привалило! Иди!

И толкнул меня в спину так, что я чуть не упала. Набрала полную грудь воздуха, собираясь снова разреветься, но Мадам глянула проходя – и я отчего-то передумала. Надув губы, поплелась следом по бесконечным, казалось, ступеням...

Теперь я точно знаю – сколько их. Двести сорок четыре. Вероятно, в этом числе скрыт некий сакральный смысл... Почему знаю? Подметаю их потому что.

Часто.

Мои любящие родители, и не подозревавшие о привалившем всем нам «счастье», конечно, устроили шустрому дядюшке головомойку и шеенамылку. Но пролитого не собрать. Спустя некоторое время они

смирились, или дядя (чтоб и на том свете ему икалось!) убедил их, как почётно и престижно иметь в семье пифию. Наши встречи через пару лет свелись к традиционному обеду по выходным, на котором отец так же традиционно жалуется на начальство, мама – на дороговизну, сестра – на проклятые килограммы, брат молча ест и тоскует, а я – просто ем. Брат с сестрой обходятся со мной с осторожностью, как с тикающей бомбой – то есть просто стараются не общаться. После обеда всё то же традиционное: «Уже уходишь? Что так рано?» «Нет-нет, мне пора...» И – с набитым животом, печёным в пакете и парой бумажек, сунутых мне в карман отцом – вперёд, на волю.

В Школу.

Хотя поначалу она казалась мне настоящей тюрьмой. Спальня на шестерых. Туалет и умывальники в конце коридора. Душ с постоянно засоряющимся сливом и неожиданной сменой воды – то обливает ледяным дождём, то крутым кипятком шпарит. Еды, правда, вдоволь, но безо всяких домашних вкусов. Одежда – уменьшенная чёрная или серая копия балахона Мадам. Лишь на выход в город выдают наши обычные «цивильные» шмотки.

В общем, наставников не слишком интересуют бытовые условия жизни их учениц. Или – как я всё больше подозреваю – это просто один из методов выработки отрешения от действительности.

От настоящего.

Многие из наших... «пифик» очень любят выпендриться – пройти по людной улице в разлетающемся балахоне. Со взором отрешённым. Встречному народу остаётся только испуганно шарахаться в стороны. А я наоборот мечтаю ничем не отличаться от ровесников, ходить в обычную школу, на танцы, в клубы. Чтобы никто не знал – где я учусь, кто я такая. Чтобы при моём появлении не наступало настороженное молчание или не сыпались тупые вопросы типа: «А правда, что вас какой-то наркотой пичкают?», «А скажи-ка, что со мной будет завтра?» Ну и всё в таком роде. Откуда я знаю, что с ним будет завтра? Что я, гадалка? Я и про себя-то ничего не знаю.

Насчет наркоты – мы её курим. Даже не курим – мы ею дышим. Когда идём на уроки по предсказанию, конечно. Так что в графу «вредные привычки» в школьной анкете нам всем можно смело вносить диагноз «токсикомания». Правда, наставники уверяют, что мы прошли тесты на аллергию и что смеси составляются индивидуально, дабы не нанести вреда нашим растущим организмам. Когда вываливаешься из класса одуревшей, с дрожащими ногами и ещё потом полдня маешься головной болью и тошнотой, это очень утешает.

А на кое-кого «дурь» попросту не действует. Нет, конечно, классические симптомы отравления в наличии, но мой мозг по-прежнему настроен критически и насмешливо анализирует поведение беснующихся или впадающих в транс подруг по несчастью... Что я говорю – конечно, по счастью!

Редкому счастью быть пифиями.

– Ты никак не можешь расслабиться! – укоряет наставница Елизавета. – Тебе необходимо всё держать под контролем!

Конечно. Расслабилась на мгновение – и вот я в Школе. Куда меня ещё занесёт, если я опять зазеваюсь?

Так что я наблюдаю со стороны. И потому уверена, что часть девочек попросту притворяется. Ещё часть заставляет себя впадать в транс – это как домашнее задание – хочешь не хочешь, а делать надо.

И только третья, самая небольшая часть учениц... Настоящие.

На одну из них я наткнулась в свой самый первый день в ШП. Причём в прямом смысле наткнулась: тогда у меня ещё не выработался навык передвижения по тёмным коридорам Школы.

– Ой-ой-ой! – испуганно завопила я. – Извините, извините!

Откуда-то снизу сказали – противным голоском:

– «Извини-и-ите!» Дылда уродская! Глаза разуй!

Зажёгся свет фонарика, и я увидела поднимающуюся с полу девочку. Она сердито отряхивала платье, кидая на меня неприязненные взгляды. Было ей, наверно, лет пять.

– Новая debilка! – буркнула девочка. Я не успела сообразить, что ответить – она довольно больно пихнула меня кулаком в бок и пошлёпала по коридору дальше.

Теперь Юлька подросла. Она – самая юная и самая талантливая ученица, гордость Школы.

И никто её не любит.

Юлька – наша местная Кассандра. Мы с ней не связываемся, да и вообще стараемся держаться от неё подальше: ещё получишь какую-нибудь предсказанную гадость. Вытаращится на тебя фиолетовыми глазищами, застынет, побелеет-посинеет, – и *изречёт*. Тут уж хоть стой хоть падай, но пакость всё равно случится.

– Юлечка просто пока не может контролировать свой дар, – пытается растолковать нам Елизавета. – Он слишком велик для неё...

...да, и вываливается из неё, как мусор с переполненного помойного ведра! Видела я, как она не может себя контролировать: разозлилась на Мадам за что-то, опять впала в свой мелкий транс – глазки вытаращены, губки синие – а Главная ка-ак глянет на неё, так «Юлечка» живенько в себя пришла.

Сама Синельникова и не расстраивается, что всегда одна, даже в комнате живёт в одиночку, точно выпускница. Она считает, что мы все, «тупые debilки», вообще не имеем права переступить порог Школы Пифий. Ну, за редким исключением.

Одно из исключений – Далия.

Когда я вижу Далию, я просто немею и столбенею от восторга. Такой и должна быть настоящая Пифия. Высокая, стройная, со светлыми длинными волосами, с сияющими синими глазами. Такими я представляла в детстве добрых волшебниц. Далия – выпускница, и этим летом должна уйти из Школы в храм южного округа. Кажется, сразу даже Старшей пифией.

Я иногда тоже подумываю, куда попаду после распределения. С моими так называемыми способностями – разве что в палатку бабки-гадалки на рыночной площади – видела я такую в детстве. А не была ли она в своё время баклуши, как и я, в Школе Пифий?

Хотя имеется официальная Пифия Государственного Храма, минимум раз в год к нашей Мадам является за предсказанием сам Президент. Каждый раз для нас это событие. Не потому что мы видим Президента воочию – что мы на него по телевизору не насмотрелись, что ли? – а из-за его охраны. Там такие «качки»! А какие у них костюмы! Стрижки! Рост! Куда там нашим мальчишкам-оракулам!

Хотя принято, чтобы Президента приветствовали лучшие ученицы Школы, а остальные должны находиться на занятиях, мы всё равно вырываемся из классов (наставники ведь тоже люди!), и затаиваемся на галерейке в холле. Учителя и охранники делают вид, что не замечают поблескивающих из-за балюстрады любопытных глаз и сдавленного оханья и хихиканья.

Так было и в этот раз.

– Он мне подмигнул, видела, видела? – подтолкнула меня локтем Оля.

– Это у него просто нервный тик! – предположила я. Ольга глянула на меня укоризненно и вновь жадно уставилась вниз. Я люблю её за то, что она такая простая – что на уме, то на языке, и гадостей от неё ждать не приходится. Не то что от некоторых... У Ольги уже всё распланировано: после окончания вернётся в свой Благовещенский храм, где её ждут не дождутся и будут просто на руках носить... И вкусно кормить, неизменно добавляю я, потому что Ольга любит поесть, всем известно. Ольга не обижается.

Охранники, к сожалению, меняются, поэтому постоянных любимчиков у нас нет. Каждая выбирает себе каждый раз нового и до хрипоты доказывает его достоинства – в темноте спальни. Я как раз колебалась между жгучим брюнетом и коротко стриженным блондином,

выглядящим, как движущийся шкаф, когда обнаружила за спиной Президента невысокого мужчину в сером костюме. Костюм красивый, мужчина... Нет.

Но я почему-то вновь вернулась к нему взглядом.

– Это ещё кто?

Сара, прильнувшая к балюстраде справа от меня, услышала моё бормотанье.

– Новый оракул.

– А старый куда девался?

Мадам всегда работает на пару с Самюэлем – дряхлым оракулом Государственного Храма. Сара обожгла меня насмешливым тёмным взглядом:

– Ты что?! Он же месяца три как скончался!

Ну не слежу я за светской хроникой! Кто женился, кто скончался... Значит, это и есть новый Главный Оракул? Скучная стрижка, греческий – чёрт бы его побрал! – профиль, скучно сжатые губы: казалось, он весь окутан тусклым облаком ноябрьского дождя. Веки за очками в тонкой металлической оправе сонно припущены, но уверена, глаза такого же скучного цвета... Даже на Далию, присевшую перед Президентом в изящном книксене, он глянул равнодушным рыбьим взглядом.

Президент ласково потрепал Далию по плечу, принял от неё скромный букет белых лилий и поклонился Мадам.

– Разрешите вам представить, – он подтолкнул скучного вперёд, – мой новый оракул. Сергей Брель.

Оракул поклонился, сцепив за спиной руки, – и по этим рукам я вдруг поняла, что он волнуется – и ещё как. Главная имела полное право отказаться от напарника, которого не сама выбирала. Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Президент уже и сам начал заметно нервничать, когда Мадам наконец развернулась и пошла вглубь Школы. Вся кавалерия пустилась за ней.

Мы встали, перегнувшись через перила, чтобы проводить их взглядами. Разминали затёкшие ноги.

– Беру себе блондина! – во всеуслышанье заявила Сара.

– А мне брюнет понравился, тот, под испанца. У него такие кудряшки по шее... – мечтательно вздохнула Оля. – А тебе?

– А нашей Цыпилме новый Главный полюбился! – съехидничала Сара.

И я сообразила, что никого себе так и не выбрала.

– Ну мне этот... рыжий... – проямлила я.

Соседки озадаченно переглянулись:

– А там был рыжий?

– А как же, ну возле двери...

Меня спас зычный оклик снизу:

– А ну-ка, средний курс! Хватит бездельничать! Вон с галереи!

Я первой ссыпалась по ступенькам, но на иностранный не пошла: что-то, а языки мне легко даются, и потому Триада смотрит сквозь пальцы, что я иногда прогуливаю. Всё равно я у неё лучшая ученица – и по мёртвым языкам и по пока ещё живым.

Я направилась в подвал, к нашему школьному оракулу.

Принято считать, что Матвей пьёт – хотя пьяным его никто из нас не видел и даже запаха не чувствовал. И классического красного носа, заплывших глаз с прожилками у него не наблюдается. Но всё равно вся Школа твёрдо уверена, что оракул – тихий алкоголик. Он единственный среди учителей мужского пола живёт при Школе. В подвале. Вернее, в полуподвале.

Когда я только появилась в ШП, я обследовала каждый её закоулок, всюду, как любопытная Варвара, суя свой нос. Тогда я и обнаружила нору, где обитает наш бессменный оракул. Матвей не погнал меня сразу, за что теперь и страдает.

– А! – сказал он. – Заходи-заходи! Свежие новости принесла на хвосте, сорока?

Он, как обычно, что-то резал по дереву – вкусно пахло свежими стружками, едко – лаком.

– Не хочешь закончить картину?

Я взяла покоробившийся лист, критически оглядела своё творение. «Картина» – круто сказано. Я рисую гуашью и акварелью без карандашных набросков и эскизов. Больше всего это напоминает абстрактные цветочные пятна. Мне нравится.

Матвею тоже.

– Красного надо добавить, – решила я и взялась за кисть.

Матвей подёргал косматыми бровями. У него седые длинные волосы, седая борода, и не причесанный он похож на сумасшедшего узника замка Иф.

– Знаете, что Президент пришёл с новым оракулом? Он совсем молодой. А Мадам на него согласилась.

Матвей сдунул древесную пыль с сучка. Поглядел на свет.

– Видать, способный парень.

– А почему вы сами с ней никогда не работаете?

Матвей наставил на меня узловатый палец:

– Помнишь, вы проходили на предсказаниях? Не пифия для оракула, но оракул...

– ...для пифии, – привычно закончила я. – И что?

– А то, что не каждый оракул может вынести Главную.

– Ну да, – подтвердила я, зависнув кистью над бумагой и решая – требуется ли ещё поставить красную кляксу. – С её-то характером!

– Да при чём здесь характер? – привстав, Матвей выглянул в полукруглое окошко. – Быстренько они сегодня управились. Видать, Президент задал всего один простой вопрос.

Я тоже вытянула шею. Поначалу в окне были только ноги, потом люди отошли и стало видно энергично шагающего Президента, кучкующихся вокруг него охранников, а где... А вот и Скучный идёт – но как-то не очень уверенно, следом дефилирует шкаф-телохранитель, то и дело норовя поддержать его под локоток. Оракул вяло отмахивается.

– Гм, – сказал Матвей с какой-то даже завистью, – силён парень...

Вот этот покачивающийся задохлик? Я фыркнула. Красная клякса упала на картину и горела ярко – как драгоценный камень рубин.

– Если я не очень ошибаюсь, – Матвей с кряхтением встал, выпрямляя спину, – а я всегда ошибаюсь не очень (сказывается влияние вас, пифий), придётся тебе сейчас немножко посидеть в углу и помолчать.

– В смысле?

– В смысле – сядь-ка вон туда за шкаф и затаись. Сюда спускается наша Мадам.

Я моментально нырнула за шкаф. Приткнулась с краю заваленного чем попало стула и замерла. Встретаться сверх необходимого с Главной вредно для моего здоровья – физического, а также психического.

Мадам появилась через пару минут. Я услышала, как Матвей пододвигает ей стул. Не было обычных (для обычных людей): «привет, как дела, что новенького»? Казалось, директриса пришла сюда просто помолчать. Я осторожно выглянула из-за шкафа. Двое сидели спиной ко мне и смотрели в сереющее окно.

– Ну? – спросил наконец Матвей. – И кто победит на следующих выборах?

– Наш любимый президент, – сказала Мадам с зевком, – с перевесом всего в три и пять десятых процента. Вот такую точность задал новый оракул.

– Силён парень!

– Даже слишком.

– Помогал тебе? – понимающе спросил Матвей.

– Ещё хлеще – он пошёл за мной.

– У-у-у... Их что там, теперь ничему не учат?

– Учат-не учат, сила есть ума не надо. Ему бы девочкой родиться – стал бы пифией, каких, может, свет не видывал. А так – нечего лезть в чужую епархию! И дров наломает и сам может не вернуться.

– Ты-то как?

Главная ощетибилась: даже серые стриженные волосы на её затылке встопорщились.

– Да уж получше Самюэля!

– Не думаешь, что тебе пора сдавать дела?

– Кому?

– Ну мало ли сильных молодых...

– В том-то дело, что мало! Думаешь, эта официалка Лора что-то на самом деле может?

За несколько минут я выслушала характеристику всех известных и неизвестных мне пифий – полную и разгромную. Если б люди только знали, кому они доверяют свои секреты и с кем советуются! Я, например, твёрдо решила теперь даже к гадалке не ходить... Хотя на что пифии гадалка?

Матвей выслушал эту обличительную речь и сказал с добродушной насмешкой:

– Выпить хочешь?

– Ну давай... самогон, что ли?

– А то ж!

– Алкаш старый...

– Старая ведьма.

Я моргнула. Оракул с пифией мирно чокнулись, синхронно опрокинули рюмки и захрустели сухариками.

– Ты просто хочешь всё держать в своих загребущих лапах!

– Не все могут позволить себе запереться в подвале и строгать палочки! Ослабишь хватку, всё рухнет...

– Не думаешь, что это было бы к лучшему?

– К лучшему?! Знаю-знаю, что они говорят: и преподавание устарело, и политику предсказаний нужно менять... А ты помнишь, как всё было, когда мы пришли?

– Да, – мягко сказал Матвей. – Но теперь этот мир – их. Уступи дорогу, Главная.

– Кому?! Ты можешь назвать ну хоть кого-то... да в Школе, например?

– Далия, например?

– Далия... Далия – да. Очень талантливая девочка.

Главная взяла мой рисунок, потрогала и потёрла пальцы.

– Краска ещё не высохла...

Я задержала дыхание – а вдруг она сообразит, что не Матвей это рисовал? И что по дороге она ни с кем не столкнулась? И что одна из учениц сидит сейчас в этой комнате и подслушивает? Хотя

неизвестно, какими дорогами ходит Пифия... Судя по тому, как она возникает внезапно и в самых неожиданных местах, в Школе имеется целая система тайных ходов.

– Да, у девочки есть дар, – сказала Мадам. – Часто она к тебе приходит?
– Бывает.

Я наострила уши: и Далия здесь бывает? Насколько я знаю, наш оракул не пользуется у учениц большой популярностью.

– Яд Предсказания её ещё не коснулся.

А это ещё что за штука?

– Может, и к лучшему?

Мадам набулькала себе самогону. В одиночку выпила.

– Думаю, если б они даже знали, по-настоящему знали, что их ждёт, – лишь одна из ста повернула бы назад. Я бы точно не повернула!

– Просто мы с тобой другой жизни себе и не представляем, – сказал Матвей. – А у них ещё есть выбор.

– И что? Предлагаешь закрыть Школу?

– Для начала – перестань прикрывать свою жажду власти беспокойством за будущее. И подумай над сменой.

– Да пошёл ты!..

– А пойдём вместе!

Мадам издала неприличный звук и слегка пошатываясь, пошла к двери.

– Дойдёшь сама-то?

– Да уж получше тебя, самогонная бочка!

Я подождала, пока прикроется дверь, и вылезла из укрытия. Матвей смотрел в окно, постукивая пальцами по столешнице.

– А Далия тоже к тебе приходит?

– Ну начинается...

– А что такое яд предсказания?

Оракул вздохнул и указал мне на деревянный табурет – как, наверное, вся мебель в этой комнате, тот был сделан его руками. Я уселась, привычно обвивая ногами ножки табуретки. Матвей взял преподавательский тон:

– Яд Предсказания – термин, имеющий два значения. Одно собственно метафизическое: когда пифия овладевает своим даром, яд предсказаний проникает в её душу, не давая забросить своё ремесло. Второе – физическое: средства, которые вы употребляете для погружения в транс, влияют на женскую детородную функцию.

Пауза. Я поморгала.

– В смысле?

– В смысле – если пифия до двадцати лет не оставит своё ремесло, она: а – не сможет забеременеть, бэ – забеременеть сможет, но потомство будет неполноценным. Физически или умственно.

Я закрыла рот.

– А-а-а... но нам же говорят, что всё это безвредно!

– Безвредно – до поры до времени, пока препараты не аккумулируются в организме. Да и что скрывать – многие пифии начинают злоупотреблять снадобьями для более быстрого и глубокого погружения в транс. Вас, конечно, предупреждают при выпуске из школы. Отсюда есть несколько выходов. Или родить полноценного ребёнка до двадцати лет или...

– Отказаться от предсказаний?

– ...или надеяться на «авось».

– А-а-а... что решила Мадам? Ну тогда, при выпуске из Школы?

– А какое решение принимают шестнадцати-семнадцатилетние девушки? Какое решение ты сама примешь?

Я, конечно, мечтала завести когда-нибудь детей, лучше девочку и мальчика. Я даже подбирала им имена, вспомнить бы сейчас... Правда, когда у меня появился младший братик, мечта серьёзно подувала. Как можно любить беспрерывно вопящее, писающее и какающее *это*? А когда брат подрос, приходилось отдавать ему свои игрушки и конфеты, потому что «он же ма-а-аленький!» А этот «маленький» прекрасно понимал свои права, да ещё и дрался со мной! Слава богу, перестал – сейчас он может прибить меня одним ударом своего четырнадцатилетнего кулака.

Но...

Но.

Но?

Я сползла с табурета, Матвей внимательно смотрел на меня из-под бровей.

– Пойду, – пробормотала я. – Ужин уже, наверно...

– Приятного аппетита.

– Угу. Пока.

Уже закрывая дверь, я услышала:

– А Далия ко мне не приходит.

Уже после отбоя, когда девчонки взахлёб расхваливали «своих» охранников и высмеивали остальных, я спросила, а слышали ли они...

Сара отмахнулась:

– Да ну, ерунда! Вон Тамара всё нам твердит, что курить вредно, а сама дымит как паровоз! И чё?

– А я просто рожу себе девочку пораньше, – пробормотала Оля, подбивая подушку под голову. – Мне и одного ребёнка хватит.

Я хотела спросить, от кого? И прикусила язык. У Ольки проблем с... папами точно не будет. Стоит ей переодеться в цивильное да пойти прогуляться, как к ней сразу начинают липнуть парни всех

возрастов. А ещё во всех рекламах и журналах твердят, что толстых никто не любит, что нужно худеть и подтягиваться!

Иногда слушаешь, что девчонки рассказывают про парней, с которыми встречаются, и думаешь – да все они врут! (Очень надеюсь, что врут). И так я единственная в классе всегда сижу на игральных картах, перед тем как разложить их для гадания. Как нецелованная. Вот не понимаю, у меня на лбу написано, что я ещё не целовалась? В зеркале лицо как лицо. Смугло-желтоватое. Глаза тёмно-карие, могли бы быть и побольше, да мамина степная кровь сказывается. И ещё – полное отсутствие греческого профиля.

Надо в следующие каникулы придумать историю про какого-нибудь брюнета, который мне проходу не давал. Ну, или блондина. И целовал, и целовал...

А про детей я ещё подумаю. Во-первых, до двадцати – ещё ого-го сколько времени. Во-вторых, пифией я уже не стану. Наверное. Начинаю удивляться, почему меня до сих пор не выперли из Школы.

– Ну всё, хватит!

Я приоткрыла один глаз. Надо мной, уперши руки в бока, нависала разгневанная Елизавета.

– Немедленно брось притворяться! – потребовала она.

Казалось, наставница готова просто пнуть меня по рёбрам. Посему я распахнула второй глаз и быстренько поднялась со спортивного мата, который лежит в кабинете Предсказаний – чтобы во время транса мы себе чего не повредили.

– Боже мой, ну сколько ж можно издеваться над Искусством! – продолжала бушевать Елизавета. – Это переходит всякие границы! Я долго терпела, но больше терпеть не намерена! Вон из моего класса!

Даже вытянутый её палец трясся от гнева. Я глянула на притихших девочек. Матвей задумчиво почёсывал шею, изучая классный журнал. Я схватила сумку и быстро вышла.

Ну вот, сама накликала – кто недавно думал: «за что меня держат в Школе»? И чего она так завелась? Я же всю жизнь так и предсказываю – головой помотаю, телом поелозю, неровно подышу и выдам с десяток бессвязных слов – всё, как у других подсмотрено. Думаю, Елизавета знает, что я притворяюсь, но никогда не пыталась меня обличить. А может, я сегодня что-то не так сделала? Прокололась?

Я брела по школьным коридорам – когда идёшь без цели, они имеют свойство не кончаться. И всё сильнее печалилась. Я впервые серьёзно представила, что меня выпрут из Школы. Даже справки о среднем образовании не дадут, потому как учебные предметы в Школе

специфические. И куда я тогда? Если в обычной школе пугают: «будешь плохо учиться – в дворники пойдёшь», у нас говорят: «пойдёшь в гадалки!» В подметании ступенек я уже напрактиковалась, может, дворником оставят? Дворницей. Ну или в гадалки. Что ж тут поделаешь... Вот прямо сейчас возьму колоду Таро и начну повторять правила...

Так, обречённо поникнув головой, я брела, не видя ничего кроме собственных заплетающихся под подолом ног в кроссовках, и потому столкновение было неизбежным.

– А-а-а! – крикнула я, врезавшись в вывернувшего из-за угла человека. Он осторожно придержал меня за плечи и отстранился. Сказал негромко:

– Извини. Не подскажешь, где здесь класс Предсказаний?

Переводя дух, я смотрела на него. Скучный – это был он – смотрел на меня сквозь слегка тонированные очки. Глаза – точно! – у него были серыми.

– Я заблудился, – пояснил он через паузу.

Ох, я за своими тяжёлыми мыслями забыла, что сегодня сдвоенная четвертная контрольная оракулов-пифий! И Главный Оракул страны должен присутствовать на ней. Ковать, так сказать, будущие кадры... (Парни, кстати, говорят, что с приходом молодого Главного в их Школе Оракулов всё меняется – наставники в шоке, ученики счастливы). А со второго полугодия на контрольные заявятся и представители крупных корпораций – будут подбирать себе перспективных штатных предсказателей...

Значит, и Мадам там же на контрольной, – вместе с «официалкой» Лорой – и наверняка уже всё про меня знает.

– Идёмте, – угрюмо сказала я, поворачивая обратно.

Брель пропустил меня в дверях вперёд, и мне не оставалось ничего, как войти в класс.

– Извините за опоздание, – сказал Оракул над моим ухом. – Я основательно заблудился, спасибо, мне помогла...

Он вопросительно заглянул мне в лицо, и я хмуро выдавила:

– Цыпилма.

– Цыпилма направила меня на путь истинный. Можно начинать.

Странно, что он повторил моё имя без запинки и переспросов! Брель раскланялся с Мадам и Лорой, пожал руку Матвею и уселся рядом с ним.

Елизавета, поджав губы, отвернулась. Ну да, все разборки после высокой комиссии... Хм, а может, меня и выгнали специально, чтоб я не портила показателей Школе? Я забила в тень подальше от всевидящих глаз Мадам, хотя сверху мне усиленно махали Сара с Олей.

Взрослые оракулы, склонившись друг к другу, тихо разговаривали, обе пифии молча смотрели на дымящуюся жаровню. «Официалка» –

Главная Пифия Государственного Храма – была пожилой, хотя куда моложе Мадам; лицо усталое и сосредоточенное, каштановые волосы стянуты на затылке в тяжёлый узел. На руках – крупные перстни с топазами.

На верхних полукруглых рядах сидений тусились старшекурсники. Хотя они не обязаны присутствовать на контрольных, всё равно кто-нибудь да придёт – вспомнить молодость, что ли? Я увидела Далию – она сидела рядом с темноволосым широкоплечим парнем – оракулом, с которым будет работать после окончания школ.

– Ну что ж, все на месте, начинаем? – спросила Елизавета.

Палец Лоры скользнул по строкам журнала.

– Кольчужная, пожалуйста.

Сара сбросила с плеч курточку и легко сбежала по ступенькам вниз. Грациозно – ну конечно, ведь столько парней смотрит! – опустила перед жаровней, живописно раскидав вокруг чёрные кудри. Сверяясь со списком, Елизавета быстро насыпала и набрызгала на жаровню снадобья, которые вводят в транс данную пифию. Я наблюдала за Сарой с профессиональным интересом: ага, напряглась шея, руки, сжатые в кулаки, вытянулись вдоль тела, задрожали ноги... Простенько и со вкусом. Такое и я могу изобразить при случае. Если он ещё выпадет, конечно.

– Прогноз погоды на ближайшую декаду в Юго-Западном округе, пожалуйста, – прочёл Брель.

Традиционный вопрос. Иногда мы с парнями даже заранее подготавливаем ответы – ну там, залезаем в сводку погоды, например. Правда, приходится запоминать кучу районов, ведь неизвестно же, какой тебе выпадет.

Пятеро вызванных школьников стояли полукругом рядом с пифией, ожидая ответа; что-то накарябали на листочках, передали оракулам.

– Итак, – Брель быстро просмотрел листки. – Четверо ответов совпали: ливни, ураганный ветер. Лишь один предсказывает, – он взглянул на рыжего парня (тот втянул тощую шею в тощие же плечи), – устойчивую ясную погоду. Я могу дать ещё время на раздумье, если хочешь.

Рыжий, казалось, хотел только одного – провалиться в собственные ботинки. Мотнул головой.

– И он прав! Кольчужная, Рыжков – отлично! Всех прошу занять свои места. Следующий...

Сара поднялась, метнув пренебрежительный взгляд на Рыжкова (говорящая фамилия! И горящая). Оба уселись на верхней скамье, демонстративно глядя в разные стороны. Второе попадание за последнюю

четверть – хороший знак, может, и из них сформируется надёжный тандем пифия-оракул. Как у Далии и этого... как его?

Предполагается, что пифия в паре главная. Но если не найдётся оракула, который в силах разгадать твой бессвязный бред и сплести его в предсказание, ты и гроша ломаного не стоишь. Есть, впрочем, универсальные пифии, как и дежурные оракулы. Но с великими предсказательницами работают, как правило, не более одного-двух оракулов. По Школе ходит история о Величайшей Пифии, предсказаний которой никто не мог перевести, так и умерла, бедная, непонятой... Вот с чего её тогда считают Величайшей? Может, она была сумасшедшей, или наркоманкой – подыши чёрт знает чем, ещё не то будешь предсказывать!

А, может, она просто была Великой Притворщицей. Вроде меня.

Контрольная шла своим чередом. Образовалось ещё три предполагаемых пары – с ними будут потом работать индивидуально.

Кате чуть не подожгли волосы – кто-то из долговязых оракулов опрокинул жаровню. Хорошо всё-таки, что я стригусь коротко!

Олино предсказание никто не расшифровал правильно – чему она совсем не огорчилась. Да и вопрос был сложный, из области экономики – что-то связанное с ценой за баррель нефти и котировкой на бирже. Представления не имею, что такое баррель...

– Юлия Синельникова.

Главный Оракул подался вперёд, рассматривая деловито укладывающуюся Юльку. Как же, наверняка и он наслышан о нашем маленьком гениальном чудовище! Поднял руку. Голос у него негромкий, но почему-то все его слышали:

– Внимание, вопрос второй категории сложности!

Школьники перестали болтать и повытягивали шеи. На такой вопрос уже не выдашь домашнюю заготовку! Синельникова, заложив руки за голову, самодовольно улыбалась. Наверняка готовят нашу Юлечку в следующие Великие.

Если не Величайшие.

Парней в этот раз выбирали долго. Ещё и Пифии соизволили принять участие в обсуждении кандидатур: склонившись через головы Оракулов, тыкали пальцем в список. Выбрали троих – двое на вид вообще выпускники. Наверно, многообещающие оракулы, не нашедшие себе таких же многообещающих пифий. Елизавета, кинув в жаровню Юлькину смесь, отошла подальше – чтоб никто не думал, что она подсказывает.

Синельниковой не нужно притворяться или долго травиться одуряющими испарениями – она входит в транс легко и быстро. Думаю,

Юлька вообще могла бы без них свободно обойтись. Обычно она лежит неподвижно и прямо, как дощечка, сложив на груди руки. Губы почти не шевелятся, как будто Юлька занимается чревоуещанием.

Так было и в этот раз.

Поначалу.

– Внимание, вопрос: какова судьба экспедиции Бугрова?

И наступила полная тишина.

Нас заставляют ежедневно пролистывать газеты и журналы, заучивать страницы словарей и справочников – чтобы в нужный момент наш неподконтрольный разуму (но кому же он тогда подчиняется?) язык выдал нужное слово. Так что о пропавшей экспедиции я тоже слышала... Но ведь это не предсказание? Юлька должна сказать, что случилось в прошлом? А это уже первый уровень!

Синельникова выдала несколько слов и открыла глаза. Склонившиеся к ней оракулы поспешно царапали в блокнотах. Им нужно – на время! – расшифровать пророчество, да ещё и стих из него сострять. А может стать оракулом человек, вообще лишённый поэтического дара? Елизавета, стоя за спинами парней, вытягивала шею, пытаясь понять, что там получилось у её любимицы. Матвей тоже чиркал ручкой, Брель сидел, задумавшись, скрестив на груди руки. Похоже, будущая Великая задала всем задачку.

Никто не смотрел на Синельникову.

Та по-прежнему лежала неподвижно – а ведь обычно подскакивает, как ни в чём не бывало! Наверное, она единственная среди нас не болеет после занятий. Губы её зашевелились... она продолжала проричать, но никто уже её не слушал! Я хотела привлечь внимание, крикнуть, но у меня вдруг пропал голос: худое тело Юльки выгнулось, в уголках губ показалась пена. Припадок! Транс с припадком!

Я вскочила и по-прежнему немо взмахнула рукой – Брель поднял на меня отсутствующие глаза. Взгляд скользнул по моей руке, Оракул привстал, чтобы увидеть заслонённую школьниками пифию.

– Эй, внимание!

Парни оглянулись и от неожиданности попятились, тесня всполошившуюся Елизавету. А ведь это они должны помогать пифии! Дебилы! Хотя единственное, что и я вспомнила из первой помощи – всунуть между зубов что-нибудь твёрдое... Я нащупала в кармане сумки карандаш и вскочила на площадку. Мир застыл в движении: поднимающиеся Пифии, встающие ученики, Главный Оракул, перемахивающий через стол...

Я услышала чей-то крик:

– Не трогай!..

Но я уже её коснулась.
А Оракул коснулся меня.

Вспышка! Пламя. Красное, красное... длинные пляшущие чёрные тени. Взрывы, расцветающие и вянущие, точно чудесные огненные цветы – лепестки тоже чернеют, корчатся и распадаются от нестерпимого жара. От него у меня лопается кожа. Я кричу от боли. Нет, это кричу не я. Не я. Другие. Люди мечутся, падают, вскакивают... и снова падают, тают, как лепестки цветов... исчезают.

Испаряются.

Больно. Страшно.

Страшно!

– Тише, девочка, тише. Всё хорошо. Ты уже с нами. Всё хорошо.

Тёплые ладони сжимают моё лицо. Пальцы трут виски и лоб.

– Время? – спрашивают над моей головой.

Сухой голос Мадам:

– Двадцать семь минут.

– Многовато...

Я пытаюсь шевельнуться и понимаю, что моя голова лежит на чьих-то коленях. Скашиваю глаза. Мадам возвышается надо мной, словно чёрный столб. Ловит мой взгляд, отворачивается и отходит. Чуть поодаль маячат Лора и очень бледная Елизавета. Рядом со мной, кряхтя, опускается на колени Матвей. Он больше, чем обычно, похож на выпущенного из темницы или психушки узника – волосы просто дыбом. Заглядывает мне в лицо.

– Ну ты даёшь, сорока! Всех напугала!

– А что... а где...

– Юля? – спрашивают у меня. – С ней всё в порядке, видишь?

Тёплые ладони поворачивают мою голову набок, и я вижу Юльку. Она сидит на первом ряду, кутаясь в чью-то кофту. Глаза её поблескивают.

– Она сама во всём виновата! – заявляет зло и ни к кому конкретно не обращаясь. – Кто её просил лезть?

Ну, Юлька в своём репертуаре. Значит, точно в порядке. Но ряды сидений за её спиной пусты. Куда же все...

Только когда надо мной склоняется лицо Главного Оракула, я понимаю, на чьих коленях так уютно устроилась. Я пытаюсь приподняться, но меня не пускают.

– Полежи ещё. Расскажи, как ты себя чувствуешь?

Я прислушиваюсь к ощущениям. Как всегда ломит голову. Левую половину тела покалывает. И нестерпимо ноет в груди – не от боли, а от привидевшегося кошмара...

– Да так себе. А что случилось?

– Ты, видимо, испугалась за Юлю, и забыла одно очень важное правило – пифия не должна касаться другой пифии, погруженной в транс...

– Между прочим, ваши мальчики тоже не на высоте! – запальчиво восклицает Лора. – Где оказанная помощь? Чему вы их вообще учите?!

По тому, с каким выражением взглядывает на неё Мадам, я понимаю, что они впервые оказались заодно.

– Мальчишки растерялись, – негромко, как бы извиняясь, объясняет мне Брель. Мне? Помолчав, добавляет. – Да и я, кстати, тоже.

Да в чём дело-то?!

Оракул словно подслушивает мои мысли:

– Ты тоже впала в транс. Насколько я понимаю, – он вопросительно смотрит на Елизавету, – впервые?

Наставница мелко и часто кивает. Выбившиеся из тугой «шишки» седые пряди волос кивают вместе с ней.

– Да, впервые за всё время учебы! Уж сколько мы смесей не перепробовали, каких только методик не применяли... Я уж думала даже... – она косится на Мадам и умолкает. И так понятно: думала, что Мадам в кои-то веки ошиблась.

То есть Юлька утащила меня в свой транс? И мы выдали одно и то же предсказание? Я смотрю на Юльку. Испуганной она не кажется. И уж выглядит всяко здоровей меня.

– Юль, ты видела это? Пламя, ужас, да?

Юлька, конечно, ответить не соизволяет. Дёргает носом и отворачивается. Матвей неожиданно ругается в голос.

Остальные молчат.

– Итак, – говорит, наконец, Брель. – Кажется, мы имеем два противоречащих друг другу предсказания. И двух пифий, помнящих свои предсказания. И что мы с этим должны делать?

– Холить и лелеять, – подает язвительный голос Мадам. – Чего ж ещё теперь?

Она садится напротив нас и закидывает ногу на ногу. Рот её кривится – видимо, в улыбке. Я решаю, что мне тоже пора принять уже вертикальное положение. Когда Оракул склоняется надо мной, я чувствую запах его одеколона. Очень дорогого и очень... вкусного одеколона. Я готова есть этот запах ложками. Голова всё ещё слегка плывёт, и я упираюсь обеими руками в пол. Брель тоже остаётся сидеть – только устраивается поудобней. Я бы даже сказала – вальяжно.

– Разные предсказания? – переспрашивает Лора. Она, как и я, ещё не въехала в ситуацию. – Но ведь был один транс на двоих! Как предсказания могут быть разными?

– Да. Только у второй девочки транс продлился на полчаса дольше, – говорит Брель. – Матвей, пожалуйста!

Матвей, опираясь о колени, поднимается. Извлекает из кармана смятый листок. Встряхивает, расправляя.

– Итак, первое пророчество... тра-ля-ля... угм-м... Свет весенний, дорога легка... и прозрачна надежды река... если двинешься ты по прямой, на рассвете вернёшься домой. Ну, где-то так, хотя у пацанов поживописней получилось, гм-м...

– Прогноз благоприятный, – боязливо объявляет Елизавета. Что и так всем понятно.

Вот лично я бы задумалась – что значит «двинуться по прямой». Ну, это проблемы оракула и вопрошающего. Пусть сами себе и объясняют.

– Ну да, я так вижу! – с вызовом заявляет Юлька. Точно торопится отмахнуться от обвинений.

Брель кивает ей:

– Ты отлично справилась, Юля.

– Второй прогноз? – напоминает нетерпеливо Лора.

Теперь все смотрят на Главного. Я тоже. Он опускает голову, прикрывает глаза, ресницы тают в тени. Рука, расслабленно свисающая с согнутого колена, сжимается в кулак – и, поворачиваясь, раскрывается – точно он выдает нам предсказание на ладони.

– Расцветает огонь. Моя тень прикипает к земле. Не подняться. Выгорает мой крик, рассыпается пеплом. Лепестки возвращения тают...

– Как... поэтично, – Мадам пытается произнести это обычным сухим голосом. Но из-за задумчивой медлительности получается печально.

Матвей громко откашливается.

– Я, конечно, по старинке, предпочитаю рифму! Но да, именно это Цыпилма и сказала. Это прогноз трудно назвать благоприятным, да?

Три взрослых пифии синхронно кивают.

– К сожалению, – говорит Лора.

– Девушки могут быть свободны, – объявляет Мадам.

Юлька немедленно вскакивает, сбрасывает с плеч кофту, бормочет «до свидания» и вылетает за дверь. Завидую: мне, точно старухе, встать удаётся только с помощью Бреля. Матвей и пифии обсуждают что-то, предусмотрительно отойдя подальше; как не прислушиваюсь, фразы сливаются в одно сплошное «бу-бу-бу». На пол скользит пиджак Главного Оракула, которым он меня укрывал. Я выпрямляюсь и чувствую, как что-то липкое, горячее стекает по внутренней стороне моих ног. Я с ужасом смотрю вниз, потом на Бреля. Он подхватывает пиджак, завязывает рукава вокруг моей талии, и говорит:

– Холодно, так и иди. Отдашь при случае.

Я смотрю на него, и Оракул быстро отводит взгляд. Он всё понял. Или заметил. Спотыкаясь за собственные ноги, я спешу к двери.

Нас предупреждают, что при погружении в глубокий транс мы уже не в состоянии контролировать собственное тело: расслабляются сфинктеры, поэтому заниматься предсказанием лучше на голодный желудок и после посещения туалета. А ещё лучше – после клизмы. А то с тобой может произойти... пахучая неприятность. Мы сначала смеялись, а потом... Некоторые перед занятием теперь надевают толстые прокладки.

А у меня вот пришли месячные. На десять дней раньше.

Я с облегчением вываливаюсь в коридор и вижу соседок по комнате, прислонившихся к противоположной стене. И чуть не плачу. Они отираются здесь уже второй час, Олька вон даже обед пропустила...

– Ого! – говорит Сара, щупая ткань пиджака. – Кого раздела? Никак Главнючего Оракула? И как он тебе голенький?

Пиджак я выстирала. А потом ещё и отдала в химчистку. Зря, конечно, потратилась. Хотя на пиджак не попало ни капли, Оракул наверняка побрезгует его после этого носить...

Девчонки согласились, что ситуация, конечно, ужасная. Сара предложила перешить пиджак на меня и носить с гордостью. Хотя серый цвет мне не идёт. Иногда, когда никто не видел, я прижималась к пиджаку лицом, пытаюсь унюхать запах одеколона. Глупо, конечно. Но я готова потратить всю стипендию, чтобы купить хотя бы ма-а-аленький флакончик. Если узнаю название.

Или если моей годовой стипендии вообще на него хватит.

А Синельникова устроила мне скандал! Выловила в коридоре, когда вокруг никого не было, и развопилась, что я специально испортила ей контрольную, и специально выдала совершенно противоположный ответ, и ещё висела на Оракуле, чтобы привлечь его внимание, и ещё... Дальше я слушать не стала, сообщила, что она дура, и ушла. Вот и помогай после этого людям! Верно говорит моя мама: ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

Меня послали на практику. Первое полугодие. Осень. А Цыпилма – на практике! Всё больше сомневаюсь в рассудке нашей Мадам. Она, похоже, совсем не обрадовалась моему «рождению»: нет бы вплотную взяться за меня, как за многообещающую пифию – они же этого столько добивались!

Хотя мне и одного раза вот как хватило! Неужели Юлька помнит все свои предсказания? Тогда не удивительно, что она такая психованная!

Практика ещё и не абы где – в Салоне Виктории. Гибрид обычного салона красоты и гадательного. После того, как посетительниц

намассажируют, натрут, выщиплют, наложат маски, напарят, доходит дело и до пищи духовной – то есть гаданий. Лежат эти утомлённые интенсивным уходом тётки, покуривают кальян, попивают красное вино, зелёный чай или свежавыжатый сок – и вопрошают томными голосами про какого-нибудь «казённого короля».

Оборжёшься.

Сама Виктория напомнила мне Мадам. Уж и не знаю – чем. Возраст неопределим. Голос звонкий, как у девушки, сама полная, белая, валяжная. Дорогая блондинка, как называет таких ухоженных дам Сара. Золотые серьги, кольца на пухлых пальцах.

Этими самыми пальцами она развернула записку, которую ей прислали вместе со мной. Думаете, я не пыталась рассмотреть, что там? Но Мадам так умело складывает и запечатывает письма, что нет никакой возможности вскрыть их и остаться безнаказанной.

Виктория прочла, постукивая ногтями по столу; от сияющего маникюра по комнате скакали «зайчики». Подняла глаза на меня – голубые-голубые – видно, не обошлось без контактных линз. Поглядела в окно. Ни во мне, ни в окне ничего интересного не обнаружилось, и хозяйка опять уставилась в бумагу. Прочла пару раз, ещё и с другой, чистой стороны осмотрела – точно тайные знаки выискивала. Пробормотала:

– Ор-ригинально.

Я вежливо улыбнулась, гадая, как бы выведать, что в моей «сопроводилровке». По отзывам практиканток, Виктория ещё круче Мадам, надо вести себя поосторожней.

– У тебя отвратительное имя! – заявила хозяйка. – Как его вообще можно запомнить?

– Угу. Я, как стану совершеннолетней, собираюсь переименоваться.

– Основы расклада знаешь?

– Ну да. Проходили...

– Будешь сидеть на мелочи.

– В смысле?

– К VIP-персонам я тебя и близко не подпущу. Домохозяйки, студентки, мелкие служащие: вопросы простые «да-нет», о королях, о болезнях... Справишься?

– Э-э-э... – предусмотрительно ответила я.

– Ясно. Будешь работать под присмотром Гайдэ.

У Гайдэ были карие пронзительные глаза и чёрные длинные кудри – на взгляд не определишь, крашенные или нет. Большинство гадалок косит под цыганку или ещё какую восточную кровь, среди пифий таких тоже хватает, да ещё плюс лица с чётко выраженными греческими

профилями... А вот узкоглазых крепких степных шаманок (то есть таких, как я) ещё искать и искать. Всего одна. Вот и нечего было брать меня в Школу! Изучайте генетику, дамы и господ!

Гайдэ было лет уже порядком – может, двадцать пять. Она встретила меня сочувственным:

– Ну что, сослани из пифий на галеры? Ну, не расстраивайся, гадалкой тоже неплохо. Твой заработок – в твоих руках!

– Да я вроде как на практике...

– Да? Ор-ригинально. Ну ладно. Сегодня смотришь и учишься. Завтра я тебя погоняю по простеньким раскладам. Самое главное в гадании – умение задавать вопросы, психология – и ловкость рук. Всё приходит с опытом.

Этого опыта я набиралась до самого вечера. Аж в глазах зарябило. Знаете, зачем идут к гадалке? Погадать на королей. А также на наличие-отсутствие у них любовниц. А также на наличие-отсутствие денег. Пристрелите меня, если хоть когда-нибудь ещё я буду гадать на короля! Гайдэ врала и не краснела. И была так убедительна, что даже я верила, что «пиковый от вас без ума, а рядом ещё крутится и крестовый, но всему этому мешает трэфовая дама...» Такой бред я и сама могу нести. И не травить при этом ничем свой юный растущий организм, заметьте! Да ещё в конце дня Гайдэ, подмигнув, сунула мне в карман пару бумажек.

– Бери, я ж помню, как в Школе кормят. Купишь себе какое-нибудь пирожное!

– А как же... – я показала в потолок, подразумевая хозяйку салона.

Гайдэ пожала плечами.

– Да всё нормально, Вика этих копеек и не заметит!

Вот недаром я подумывала о карьере профессиональной гадалки!

Посмеиваясь, я выскочила из благоухающего и сияющего салона на мокрую мерзко-серую ноябрьскую улицу. И угадайте, на кого наткнулась?

На VIP-персону Главного Государственного Оракула.

– Ай! Ох! – сказали мы синхронно. И синхронно же отпрыгнули в стороны. Хорошо хоть в разные – а то, боюсь, всё бы кончилось сшибанием Оракула на мокрый асфальт. А потом бы меня уронила его охрана.

– Ты всегда так носишься? – поинтересовался Оракул, потирая ушибленное плечо.

– Да. Извините. Очень больно? Здравствуйте.

– Добрый вечер.

Я бочком отошла в сторону, освобождая проход к салону – он ведь явно туда направлялся. Делать маникюр, что ли? Или стричься?

Или гадать на какую-нибудь королеву?

– Ты уже в Школу?

– Да.

– Я провожу.

Я обалдела настолько, что пару минут топталась на месте, не в силах сообразить, что ответить и в какую вообще сторону двигаться.

– Зачем? – выпалила наконец не слишком-то вежливо.

– Мне нужно с тобой поговорить. Поедем на машине?

– Вот на этой? Конечно! – я с восторгом глазела на блестящую чёрную, мягко рокочущую зверюгу. – Это ваша?

– Служебная, – Оракул открыл передо мной дверь машины. Внутри было тепло, мягко, хорошо пахло, словом – просто роскошно. Даже когда Брель сел на сиденье рядом, между нами оставалось ещё место на пару человек.

– В Школу Пифий, – негромко сказал Оракул, и машина тронулась.

Я оглядывалась, трогая и поглаживая ручки, кнопки, кармашки и ящички. Пощупала обивку – настоящая кожа? Брель посматривал на меня, но молчал – давал время наиграться. Наконец я успокоилась и вспомнила, что со мной хотел поговорить Главный Оракул страны. Но так как мне вечно не хватает терпения, начала сама:

– Машина – понятно. А охрана вам зачем?

– Охрана? – Оракул помолчал. Как будто впервые задумался: а зачем, действительно? – Ну, может, кто-нибудь меня пожелает похитить...

– Чтобы получить за вас выкуп?

– Чтобы принудить к даче ложного предсказания.

Я заморгала.

– А разве такое бывает?

– Цыпила, бывает всякое. Подавляющее большинство пифий не помнит, что они предсказывают. Так что нечистоплотный оракул вполне может выдать пророчество, за которое ему заплатили. Или к которому его принудили.

Ну да, ведь это так просто, кто проверит? Мне такое раньше и в голову не приходило.

– А ещё есть просто безграмотные оракулы, – я покосилась на Брею. – Да и грамотные, наверное, ошибаются?

– К сожалению.

– А ещё пифии могут выдать противоположные предсказания...

– И такое случается, но редко.

Вот такие мы с Юлькой ре-едкие!

– А, может, разным пифиям редко задают один и тот же вопрос?

– Только лишь когда ответ слишком важен... тогда всех ведущих пифий страны спрашивают об одном и том же.

– И что?

– Что – «что»?

– Бывает, что они выдают разные ответы? Ну, как мы с Юлькой?

– В подавляющем большинстве случаев ответы совпадают.

– Но бывает же? – не отставала я.

– Да.

Он отвечал серьёзно, не выказывая ни малейших признаков раздражения – наставница Елизавета бы давно уже вышла из себя: «Угомонись со своими вопросами, Цыпилма! Ну сколько ж можно?»

– А кто ошибся – я или Юлька?

Втайне я надеялась, что Главный заявит: конечно, Синельникова! Брель помолчал.

– Трудно сказать. Возможно, правы вы обе.

– В смысле?

– Возможно, Юля увидела судьбу той части экспедиции, которая выжила. А ты... остальных. Или...

Брель посмотрел в окно. Дождь оставлял на стекле пунктиры, вспыхивающие цветом несущихся мимо витрин. Лицо Оракула тоже непрерывно озарялось, и серым он больше не казался. Или ему просто сейчас не было скучно?

– Вам объясняют, откуда вы, пифии, черпаете информацию?

Я сморщилась.

– Да! Просто завалили объяснениями – и про информационное поле, и про эгрегоры, и про божественное откровение... Это как наш толстенный учебник философии: куча теорий и ничего конкретного. Я думаю, когда версий слишком много, верной нет ни одной.

Оракул повернул голову и посмотрел на меня странно. Я бы сказала – с уважением.

– Объясняющей всё – нет. Истина, как всегда, где-то посередине. Я... и многие пользуемся ещё понятием «пространство вариантов». Мозг пифии настраивается на наиболее вероятный вариант развития событий. Но ведь существует и другой, множество, множество вариантов...

– Но какой тогда ответ правильный, я уже не понимаю!

– М-м-м... допустим, некая женщина приходит узнать про судьбу своего пропавшего сына. Пифия вкуче с оракулом отвечают: на его могиле вырастут, ну допустим... эдельвейсы. Тогда женщина вспоминает, где могут расти эти цветы – в горах, в их давно заброшенном шато. Она бросается туда и находит сына: тот сломал ногу, а подать о себе известие не может...

– В-вау, как классно! Это, правда, было?

– Было. Но, – подчеркнул Брель. – Насколько верно, по-твоему, это предсказание?

– Если б она не вспомнила про эдельвейсы... всё бы так и случилось.

– А теперь скажи – истинным и ложным оказалось пророчество?

У меня даже голова закружилась. Мы ни о чём таком не рассуждаем с девчонками в комнате. На уроках, кажется, что-то похожее рассказывали, но кто же слушает уроки!

– Вот это и есть пространство вариантов. Ты должна понять: нет ответов истинных. Есть только стремящиеся к истине. Или те, что мы принимаем за истину. Приехали, Цыпилма.

– Да? Ну тогда что... спасибо, что подвезли?

– Очень приятно было с тобой увидеться.

– Да, а о чём вы хотели со мной поговорить? – с опозданием вспомнила я.

– В том числе и об этом. До встречи. Виктор, проводи.

Охранник – немой «шкаф» с переднего сиденья – вылез, открыл передо мной дверцу машину и зонтик – надо мной. Бдительно позыркивая по сторонам, довёл до самой Школы, ещё и дверь для меня отворил. Если забыть о его профессиональных рефлексах, можно пофантазировать, что он охраняет именно меня. А если отвлечься от того, что Брель – Главный Оракул страны – получается, что меня сейчас подвёз на машине богатый, известный и молодой ещё – заметьте! – мужчина...

Девчонки набросились на меня с порога комнаты:

– Тут приходил ГэГэО, тебя искал!

– Кто?

– Главный Государственный Оракул! Главнюк! Но Олька запретила его так называть... Когда я сказала, куда тебя заслали, так удивился!

– А-а-а, – небрежно протянула я. – Он меня сейчас на машине подбросил.

– Чё хотел-то?

Правда, чего он хотел-то? Оказывается, Брель искал меня, специально приехал за мной в салон, подвёз до Школы, и – всё это для того, чтоб поболтать по дороге о делах пифий?

– Да так... ничего особенного.

Сара подумала, что я что-то от них скрываю, и сообщила мстительно:

– Я ему пиджак отдала!

Я увяла.

– И чего он?

– А ничего! Взял, через руку перекинул, сказал: «Спасибо большое, что отдали в химчистку, сам давно собирался». Вежливый, гад!

– У тебя появился богатенький дружок?

Я уж было обрадовалась, что по Школе пошли слухи, но сообразила, что окна Матвея выходят на площадь. Наверно, увидел меня с охранником...

– А что? – вредным голосом спросила я.

– Когда я говорил тебе о детях, сорока, я не имел в виду, что ты должна заводить их немедленно!

У Матвея аж усы встопорщились. У меня язык чесался выдать: «Нет, я не немедленно! Я немножко перед этим потренируюсь!» Ну ничего себе! Я что, должна из Школы выйти девственницей? Уже и с парнем задружить нельзя!

Я с трудом вернула себя к реальности – то есть, к отсутствию всяких парней в моей жизни.

– Да ладно, успокойся. Это не парень, а охранник Главного Оракула.

– И откуда он взялся?

Я удивилась.

– Сопровождал Главного!

Матвей сбавил тон.

– Куда сопровождал?

– Главный подвёз меня из салона до Школы, а его охранник проводил меня до дверей! Что тут непонятного?

– Всё! – твёрдо сказал Матвей, взял меня за локоть и отвёл к стене – чтоб никто на нас не натёкался. И не подслушивал.

Оракул слушал и жевал ус. Он вообще с растительностью на своём лице обращается вольно – жуёт, дёргает, а когда нервничает – ещё и пропальвает. Удивительно, что та никак не уменьшается и не укорачивается.

– А Мадам знает? – спросил Матвей неожиданно.

– А что... Главный должен спрашивать у неё разрешения, чтоб просто подбросить меня на машине?

– Ну Сергей! Каков... жук!

– В смысле?

Матвей отмахнулся:

– Ладно, разберемся, сорока!

Я наткнулась на Юльку, когда возвращалась в воскресенье от родителей.

– Синельникова? Ты чего здесь?

Юлька сидела на ступеньках Школы, – промокшая насквозь, ёжилась, обхватив руками колени, волосы прилипли ко лбу...

– Сдурела, что ли? Ты чего здесь сидишь? Пошли домой!

Я схватила её за руку, пытаюсь поднять – холодная рука была какой-то... бескостной, Юлька не сопротивлялась, но заставить встать я её

никак не могла. Зато она наконец заметила, что рядом вообще кто-то есть. Подняла лицо – и я поняла, что оно мокрое не только от дождя.

– Ты чего, ревёшь, что ли? Юль? Что случилось?

Я выпустила её руку и растерянно присела перед Юлькой на корточки.

– Д-далия... – выдавила Синельникова. Её зубы постукивали.

– Что – Далия?

– ...у-у... – Юлька прерывисто вздохнула, – ум-мерла...

– Чтобы пресечь слухи, – Мадам возвышалась чёрной мрачной статуей над нами, сидящими в актовом зале, – которые усиленно мустируются в Школе, я должна объявить о результатах вскрытия.

В зале и без того было очень тихо, но после «вскрытия» тишина стала абсолютной. Могильной, сказала бы я в другое время, но сейчас ассоциация была слишком страшной.

– Если перевести термины патологоанатомов на понятный язык, у Далии оказались слабые сосуды головного мозга. После очередного сеанса один из них не выдержал, что повлекло за собой обширное кровоизлияние. Смерть была практически мгновенной.

Кто-то в зале зашмыгал носом. Статуя повернулась в сторону оракулов. Кивнула почти благосклонно:

– Мальчик ничего бы не смог сделать. Никто бы не смог.

Видимо, это было утешение. Или она так давала понять, что ни в чём не винит оракулов.

– Теперь вы – все до одной – пройдёте тщательное комплексное обследование. До его окончания практические занятия по предсказанию в школе проводиться не будут.

– Ка-ак! – Влияния мрачной атмосферы зала хватило лишь на то, чтоб Синельникова понизила голос – и только. Она была вне себя. Ещё бы – её лишали самого главного в жизни!

– Прощание и траурный ужин состоятся сегодня вечером в столовой. Преподаватели и старосты курсов, подойдите ко мне. Остальные свободны.

Вставая, я глянула на оракулов. Матвей, сильно ссутулившись, вцепился обеими руками в свои взлохмаченные волосы. Его лица я не видела. Зато Главный сидел совершенно прямо, сложив на груди руки, и наблюдал за Мадам со странным выражением.

Скептическим.

Думаете, кто-нибудь потерял аппетит во время траурного ужина? Чёрта с два! Сегодня наши повара расстарались, или просто ужин был заказан в другом месте. Даже траурно убранный зал – чёрные ленты, красные цветы, улыбающийся портрет на отдельном столе, бледные родители Далии – заставили нас лишь говорить поменьше да потише

стучать ложками. Мы потихоньку рассовывали по карманам кексы и конфеты, с которыми не справлялись.

Слухи, презрев указания Мадам, всё равно продолжали циркулировать над столами. Бестелесные и разноцветные, они летали над нашими головами, то схлопываясь, то распухая от новых версий.

– Вот скажите мне, – наклонившись через стол, спрашивала Катька, – почему здесь нет никого из оракулов? Парней, я имею в виду, – поправилась она, когда Сара молча ткнула ложкой в сторону тихо беседовавших Матвея с Серым. – Где Далин Павел?

– Говорят, в больнице, – важно сказала Оля. – В неврологическом отделении. Вы ж понимаете, такой удар!

Катя слегка стушеввалась, отдавая дань горю молодого оракула. Были они любовниками – никто не знал точно, но что связь пифия-оракул очень сильна, знают все. Даже мы, не имеющие своего постоянного оракула. Или вообще не имеющие шанса его завести...

– Может, ей вопрос достался неподъёмный? – Сара с беспокойством поглядывала на старосту, идущую вдоль стола. У неё уже было замечание по дисциплине, и если нас ещё засекут за «недозволенными речами», Кольчужную вполне могут послать ступени мести. – С чего кровоизлияние-то?

Мы попыталась представить вопрос, который не «потянула» бы Далия. Воображения не хватало.

– А может... – я вспомнила разговор с Матвеем. – А может, она переборщила со снадобьями? Превысила дозу?

– Мы тут что тебе, наркоманки, что ли, какие?! – оскорбилась Сара.

Рыжая Алиска – мы, конечно, зовём её «Лиса Алиса», или просто Лиска – сдвинулась к нам поближе. Уронила значительно:

– Контракт с клиентом!

– А? Что? Ты о чём?

– Может, она нарушила контракт с клиентом? Отказалась отвечать, мозг и не выдержал?

– Бред! – в полный голос сказали за моей спиной. – Т-тупость какая!

Мы круто развернулись, от неожиданности чуть не попадав с мест. Синельникова удостоила нас своего драгоценного внимания! Синельникова вступила в обсуждение слухов!

– КАК пифия может отказаться отвечать? Она же ПИФИЯ!

Лиска смешалась.

– Ну... а если она до транса... ну, то есть узнала вопрос и отказалась входить в транс?

Костлявые кулаки Юльки сжались. Ярость прямо-таки брызгала из её фиолетовых глаз.

– Нет! Только не Далия! Нет! Вы дуры, дуры, дуры! – она топнула на нас ногой, повернулась и понеслась к выходу, размахивая руками. Я была готова поклясться, что Юлька плачет – от горя.

Или от досады, что впервые в жизни prospорила...

Мы переглянулись, переводя дух.

– А ты сама о таком когда-нибудь слыхала?

– Не слышала, – Лиска, вытянув шею, опасливо глядела вслед убегающей Юльке. – Но такое ведь возможно? Вон и Синельникова согласилась...

– Получается – возможно! – решительно сказала Сара.

– У кого бы узнать? Елизавета, поди, смолчит...

– Ты у Мадам ещё спроси!

Сара с Олей переглянулись и дружно повернулись ко мне.

– ГГО! – потребовала Сара.

Я занервничала.

– В смысле?

– Поговори-ка со своим дружкой, Цыпилма, – ласково предложила Оля.

– О! – у Кати и Лиски загорелись глаза. – У тебя появился парень, Цыпилма? И кто он?

– Главный Оракул, – сладко сообщила им Сара.

Я её когда-нибудь просто убью!

Я осталась убирать со столов. Дежурные, испуганные таким невиданным энтузиазмом, с вопросами не приставали, доверяя таскать стопки грязной посуды до мойки. Мало-помалу я перемещалась к столам педагогов. Пифии переговаривались высокими нервными голосами, но умолкли, едва я подошла собрать тарелки.

– Надо проводить родителей Далии, – сказала Мадам. – Матвей?

Матвей поднимался тяжело, сдвигая стул и стол. Взмахнув рукой, уронил рюмку – Брель молча подхватил её. Кажется, наш школьный оракул здорово перебрал. Или горе его так подкосило? Ведь Далию все любили.

Стайка чёрных ворон – наставниц и наставников – скорбной процессией потащилась вместе с родителями Далии к выходу. И я вдруг подумала: а ведь Далия никогда больше не переступит порог школы... Здесь станет ещё мрачней и темнее. Куда девается человеческий свет, когда человек умирает? Куда исчезло сияние Далии?

– Что ты хотела мне сказать, Цыпилма?

Брель никуда не пошёл, сидел, сложив на столе руки. В темноте зала его глаза казались сумрачными и глубокими.

– Сказать? Нет, ничего... я спросить хотела.

– Спрашивай.

– Отчего умерла Далия?

Короткая пауза.

– Ты же слышала, что сказала госпожа директриса.

Я перестала бесцельно двигать по столу посуду.

– Но ведь вы ей не поверили, так?

На скулах Оракула горели красные пятна. От выпитого, наверное...

– С чего ты это решила?

– Догадалась!

– Послушай, – Оракул тоже встал и опёрся о стол напротив. Он был лишь на голову меня выше. – Думаю, что у тебя и у твоих подруг возникло немало версий случившегося. Но поверь, в жизни порой всё куда проще и обыденней. Далия умерла, но мы постараемся сделать так, чтобы с вами этого не произошло...

– Цыпилма!

Мы одновременно оглянулись на появившуюся Мадам. Она казалась разозлённой – во всяком случае, её голос был ледяней и пронзительней февральского ветра.

– Почему ты до сих пор не в своей спальне?

Я поспешно схватила ложки и потрясла ими, как объяснением:

– Я посуду убираю!

– Так убирай, а не чеши языком! Господин Оракул, ваша машина вас ожидает!

Ого, вот и Главного Оракула отправляют в спаленку! В его маленькую детскую кроватку. Кажется, и Брель просёк юмор ситуации. Так улыбаются античные статуи – одними губами.

– Мы скоро увидимся и обо всём поговорим.

– *Пифии умирают по всей стране.*

Главная сидела в кресле, положив на подлокотники белые руки. Несмотря на возраст, руки были всё ещё красивы – гладкая кожа, ухоженные длинные ногти, тонкие ровные пальцы. Сильные пальцы. Хищные пальцы.

Когти хищной птицы...

– *Все смертны, оракул, – произнесла отстраненно. – Пифии – не исключение.*

Оракул сидел напротив. Он даже не пытался копировать её невозмутимый вид. Да ему бы это и не удалось – и опыт, и возраст были на стороне пифии. Обычно полусонные глаза его сейчас были напряжёнными и внимательными. Крепко сцепив руки, он даже подался через стол к своей собеседнице. Прежним остался только голос – размеренный, практически без интонации, голос.

– Разумеется, это не бросается в глаза. Мне пришлось поднять статистику последних трёх лет.

– Трёх? Почему именно этот срок? Не пять и не десять? – спросила пифия с вежливым любопытством.

Если бы взгляд оракула не был таким пристальным, вряд ли бы он заметил, что пальцы пифии вздрогнули – еле-еле. Поэтому оракул и предпочёл ускользнуть от ответа:

– На то у меня имелись свои причины.

Не признаваться же, что эта цифра была взята им, что называется, от фонаря...

– И что же показали... изыскания?

– То, что потом подтвердили и наши аналитики. Если отбросить... естественную убыль, связанную с состоянием здоровья или возрастом, каждый год в стране умирают в среднем три пифии. У меня есть список, могу зачитать их имена, – он потянулся за мультифорой, Главная остановила его небрежным движением руки.

Сказала прохладно:

– Спасибо, но я слежу за судьбой выпускниц нашей Школы. И так, вы заметили... тенденцию к уменьшению поголовья пифий на один квадратный километр территории. И что с того?

– Во всех этих смертях есть два совпадения. Как минимум.

Поощрённый слегка приподнятой бесцветной бровью пифии, оракул продолжил:

– Пифия умирает во время или после транс...

– Первое, – кивнула Главная.

– Второе – умирает не обычная рядовая, а старшая или даже главная пифия храма. – Оракул сделал паузу. – Истинная пифия.

Главная помолчала. Поднесла к губам сложенные «домиком» пальцы.

– Сколько истинных теперь выпускает Школа? Одну в пятилетку? Я опять же обратился к статистике – некоторое время назад такая была в каждом выпуске.

– И каков же ваш вывод, сыщик-оракул?

– Мой вывод таков – через некоторый, вероятно, очень короткий период времени в стране просто не останется Истинных пифий.

– Я хочу работать с тобой.

Мне показалось, я ослышалась.

– Что вы сказали?

Брель мельком взглянул на меня и вновь уставился в окно. Что там можно рассмотреть, кроме дождливой темноты и размытых огней улицы?

Он вновь встречал меня у салона, но сегодня предложил завернуть в кафе. Вспомнив наш обычный школьный ужин, я немедленно согласилась.

Тем более что платить буду не я – Оракул. Или вообще президентская бухгалтерия. Чтобы слегка разорить Президента, я назаказывала кучу горячих круассанов с разной начинкой и увлечённо их поглощала, пока Брель не огорошил меня вот этим...

– Я хочу работать с тобой.

Оракул двинул по блюдцу туда-сюда крохотную чашечку. Я бы давно её уже допила, а он почти не притронулся, наверное, кофе заledenел уже... Я с усилием проглотила непрожёванный кусок, запила соком. Спросила недоверчиво:

– В смысле?

– Как с... пифией.

Почему он не смотрит на меня? Если б посмотрел – я бы точно поняла, смеются надо мной или нет. Хотя... разве Главный Оракул хоть раз улыбнулся в моём присутствии, может, он вообще не умеет этого делать? Я с недоверием рассматривала его греческий профиль. Ни одного умного вопроса в моей обалдевшей голове просто не возникало.

– Какая я вам пифия? – сказала я растерянно. – Я же вообще ничего не умею! Я в транс-то впала всего один раз, да и то случайно!

Брель перевёл глаза на меня. Глядел, как всегда, сосредоточенно, серьёзно.

– Ты – пифия, Цыпилма. Истинная пифия.

У меня внезапно закружилась голова – я даже наклонилась, разглядывая плиточный пол под ногами. Грязный...

Истинных очень мало. В отличие от обычных пифий, они помнят свои предсказания. Их невозможно воспитать или научить. Ими надо родиться: Главной, Юлькой, Лорой... Далией.

Мной?

Я вздёрнула голову, сказала убеждённо:

– Этого не может быть, вы понимаете, просто – не может – быть! Чтобы вот так вот... столько лет... а потом раз, и...

Бред, конечно, но Оракул меня понял.

– Рождение случается по-разному, ваша директриса может подтвердить. Юлия стала Истинной в три года, ты – сейчас. В этом нет ничего плохого. Разные цветы распускаются в разное время.

Оракул, похоже, и правда... поэт.

– Хотя, если б ты тогда не коснулась Юлии, ты бы, возможно, никогда не узнала, что такое транс. Так что Юля, в некотором роде, – твоя крёстная мама.

А вы мой крёстный папа?

– А-а-а, – жалко проблеяла «новорожденная», – почему вы выбрали меня? Не Синельникову, например? Она же давно всё уже умеет и знает!

Оракул взял ложечку, покрутил её перед глазами и вновь бросил на блюдце. Кофе ему сегодня явно не хотелось.

– Я хочу работать с тобой.

На этот раз до Школы он проводил меня сам. И не зря: в холле нас ожидала сама Мадам. Я от неожиданности даже попятилась, а вот Брель переступил порог без колебаний. Он как будто был готов к этому.

– Добрый вечер.

– Добрый... – повторила я за ним писклявым эхом.

Скрестив на груди руки, Главная молча взирала на нас.

– Был добрый, – со вздохом обронил возникший из-за её плеча Матвей. – Не промокла, сорока?

– Мы на машине, – отозвался Оракул, продолжая смотреть на Мадам.

– На машине, значит, – повторил Матвей и тоже взглянул на директрису.

– Идите за мной. Оба, – процедила та, повернулась, мантия взметнулась чёрным мрачным крылом. Только тут Брель позволил себе быстро провести ладонью по мокрым волосам, кинул на меня невидящий взгляд и направился за Главной. Я плелась еле-еле, и, конечно, отстала бы и потерялась в закоулках Школы, но след в след за мной шёл Матвей.

Кабинет директрисы маленький и мрачный. Не думаю, что она проводит здесь заседания педсовета, но экзекуции – наверняка. Я попала сюда в первый год пребывания в Школе и с тех пор счастливо избегала повторения такой чести. Матвей втолкнул меня внутрь, зашёл следом и плотно закрыл дверь.

– Объяснитесь, господин Главный Оракул, – услышала я голос Мадам. От этой интонации любая девочка Школы растеряла бы все слова. Вместе с последним разумом.

Оракул оказался покрепче.

– Что именно вас интересует, госпожа директриса?

– Вас второй вечер видят в компании воспитанницы моей школы.

– Это запрещено законом?

– Я отвечаю за девочек.

– Отвечайте и дальше. Или вы, – в голосе Оракула проскользнула лёгкая ирония, – подозреваете меня в неких порочных наклонностях?

Как они говорят! Не говорят – изъясняются! Просто девятнадцатый век какой-то! «Чистый Версаль!»

Матвей потянул меня за локоть, и мы осторожно, как воробьи, готовые вспорхнуть при первой же тревоге, присели на стулья у стены. Хотя стулья скрипнули, никто из дуэлянтов не обратил на нас внимания.

– Я уверена – почему-то! – что вы не совращаете несовершеннолетних, – с преувеличенной сердечностью сообщила Мадам. – Но кроме

психических или сексуальных отклонений существуют ещё и пороки профессиональные.

Оракул, стоявший к нам спиной, склонил голову набок.

– Как то?..

– Как то? – Главная оперлась о стол, подаваясь к противнику. – Например, склонность идти вслед за пифией в её транс... Конечно, это очень разнообразит серые будни оракулов, но в их же кодексе расценивается как один из признаков профессиональной непригодности... порок, сравнимый с тяжёлой наркоманией. Как же печально им будет узнать, что их нынешний лидер подвержен этой прискорбной слабости!

Оракул шагнул ближе и тоже опёрся об стол – кулаками.

– Если уж говорить о профессиональной компетенции... не далее чем неделю назад у меня на глазах в Школе родилась новая истинная. И что же? Вместо того чтобы изо всех сил готовить, просвещать и обучать такую редкую по нынешним временам пифию, её посылают на практику куда? В гадательный салон!

– Вы не имеете никакого права вмешиваться в методы нашего обучения! – прошипела Мадам.

– А вы не имеете права игнорировать одну из самых своих талантливых пифий! – парировал Брель. – Или что – вы хотите её от кого-то спрятать?

– Один-один! – неожиданно объявил Матвей рядом со мной и похлопал в ладоши. – Брэк!

Оракул оглянулся – я увидела, что лицо у него пошло красными пятнами. Главная оттолкнулась от стола.

– Это что ещё... она здесь?!

– Вы же сами её позвали! – услужливо напомнил Матвей.

Я привстала, села и всё-таки окончательно встала.

– Мне можно идти?

– Иди уже, – утомлённо сказала Мадам, опускаясь в своё кресло с высокой спинкой.

Главный Оракул тоже сел – на стул напротив. Снял и кинул очки на стол. Спор ещё явно не закончился.

– Спокойной ночи, – буркнул мне Матвей.

Я отошла, на цыпочках вернулась и припала ухом к двери. Ничего не было слышно – или трое просто-напросто молчали? Пришлось плестись в свою комнату.

Я вяло отовралась потерявшим меня девчонкам: «С Матвеем заболталась». Вяло вымылась, вяло упала на кровать. Уснула сразу, но когда проснулась среди ночи, в голове продолжало крутиться:

...Я хочу работать с тобой...

...идти вслед за пифией в её транс...

...от кого вы хотите её спрятать?

«Спокойной ночи!» Матвей точно надо мной издевался.

Школьный оракул подкараулил меня после завтрака.

– Давай-ка прогуляемся.

Я выглянула в окно и сморщилась: сухо и ясно, но видно, как сильные порывы ветра треплют голые ветки деревьев.

– Холодно же, Матвей!

– Зато не пойдёшь на физкультуру.

Довод! Я быстренько утеплилась, и мы с оракулом отправились на променад. Матвей в свитере с капюшоном походил сейчас на гнома-переростка – колпак, нос и торчащая борода.

Я запрыгала вниз по ступеням. Крикнула сквозь ветер:

– Ну и как вы там вчера? Чем всё закончилось?

Допрыгала до конца и подняла голову. Матвей стоял надо мной.

– Мадам Главного не порешила, если ты об этом, – проворчал Матвей. – Но не потому что ей этого не хотелось...

– А чего она так разозлилась?

– Слышала такое слово: «субординация»?

– Угу.

– Сергей прыгнул через голову Мадам – сразу предложил тебе работать с ним.

– Н-ну... я же не сказала ни да, ни нет.

Матвей вздохнул:

– Ну и слава те... хоть в этом он не соврал.

– Матвей, так я буду работать с ним или нет?

Матвей мрачно глядел на меня сверху.

– А ты сама-то как хочешь?

– Ну раз я всё-таки пифия, у меня же должен быть оракул? Я, конечно, не ожидала, что это будет сам... Ну, сам!

– Просто он видел тебя в деле и подстраховался, чтоб никто его не опередил. Понимаешь, первый транс для пифии очень важен, важна атмосфера, важен партнёр...

– Мы сейчас, случайно, не о сексе говорим? – перебила я. – А то нам что-то похожее на уроках ОБЖ уже втюхивали.

Матвей заржал.

– Матвей, ты со мной по заданию Мадам говоришь?

Он поскреб затылок сквозь капюшон.

– Частично. А частично... хотел поговорить сам. Потому мы и гуляем. В Школе везде есть уши, понимаешь?

Я кивнула. Конечно, что тут не понять, у нас же здесь школа шпионов и контрразведчиков, каждое слово просто на вес золота... Дурдом!

Засунув руки в карманы, нахохлившись под ветром, мы шли вдоль здания Школы.

– Значит, всё-таки оракул выбирает пифию?

– Ну... оракул такого уровня уже может выбирать... Как, впрочем, и пифия.

– Так мне уже соглашаться или нет?

– Ты должна понять... – Матвей быстро оглянулся, точно проверяя, не идёт ли кто за нами следом. Дураков не было. – Такое соглашение идёт наравне с контрактом с клиентом. Разорвать его будет непросто.

– То есть, мне не соглашаться? – уточнила я.

Матвей вздохнул так, что я поняла – взрослые опять все безнадежно запутали. Сказал нехотя:

– Отказаться тоже невозможно, не тот уровень. Брель вполне может капнуть Президенту: так, мол, и так, не дают работать с молодой и перспективной...

– Молодая-перспективная – это я?! – восхитилась я.

– Молодая-то ты молодая... а вот есть ли у тебя перспективы... – буркнул Матвей. Ну какие же мы все загадочные!

– Матвей, а в чём проблема? (Жалко, конечно, что у Матвея нет такого одеклона!) Ты же сам можешь работать со мной, раз вам с Мадам так не нравится Главнюк... ой! Главный Оракул.

К счастью, Матвей не обратил внимания на изобретённую Сарой кличку.

– Не смогу я тебя работать вплотную-то, хотя, конечно, буду на подхвате. Не потяну уже... Здоровьишко не то, сердечко барахлит. Сосуды опять же...

Я с жалостливым ужасом глядела на него.

– И что, ты можешь, как Далия, да?..

Матвей поперхнулся ветром. Прокашлялся.

– Ну... всяко может быть... Но я что хотел сказать-то тебе... Цыпилма – ты пифия.

– Знаешь, я уже в курсе...

– Ты – пифия, и помни об этом! На тебя сейчас будут давить с двух сторон – и Мадам, и Главный. А может, и ещё кто... Не поддавайся ты им. Знай себе цену. Ты должна выучить всё, что ты должна. А требовать чего-то сверх того – увольте, поняла?

Я поняла, что меня будут запрягать в две телеги сразу и грузить без меры. Да ладно, отвертимся, не привыкать... Я ведь ещё недорасспросила о вчерашнем.

– Матвей – а «погружаться вслед за пифией» – это как?

Матвей засопел.

– Не должна она была при тебе-то... ну ладно, чего там... Есть у нас, у оракулов, одна... гм-м... фишка. Некоторые могут идти за пифией в её транс... ну вот как ты вслед за Юлей. Ну, в общем-то, это наказуемо, оракул сразу дисквалифицируется.

– В смысле, Главный тоже... Он был со мной? Там? – Я даже остановилась. Соображала. – То есть что... он может впасть в транс, как какой-нибудь древний шаман? Он и сам может пророчить?

Матвей опять с силой начал царапать бороду. В такие минуты очень хочется предложить ему уже наконец помыться.

– Ну... этот вопрос спорный... вероятно, это не порок даже, а скорее неразвитая способность к предсказанию, которую традиционно приписывают только пифиям. Наверняка ею обладают все сильные оракулы... потому они и сильны. Мадам почуяла это ещё при первом транс с Брелем, помнишь, говорила у меня?

– А ты ведь тоже «сильный», да, Матвей?

– Ну... чего прошлое ворошить, сорока? Главное – знать грань, за которую не следует заходить. И держаться её.

– И Бреля никто не дисквалифицирует?

– Это... не так-то просто, Президентский Оракул как-никак. Мальчишка с о-го-го какими амбициями и характером. Сейчас, после предупреждения Мадам, он будет держаться. И продержится. Некоторое время...

– Вот не понимаю я. Если оракул может предсказывать, пусть тогда сам и предсказывает. Или что – профсоюз пифий борется за наши рабочие места?

Матвей хмыкнул в бороду.

– Многовековые традиции, сорока, попробуй-ка их сломать! Пифия пророчит, оракул истолковывает! Баш на баш!

– В смысле?

– В смысле – а ты никогда не задумывалась, нужен ли оракул истинной пифии? Она ведь и так всё прекрасно помнит! И говорить тоже умеет.

Матвей остановился и огляделся. Сказал:

– Ладно, хватит откровений на сегодня. Беги-ка ты в школу, а то на латынь опоздаешь!

Опоздать я не опоздала, но что ничего не усвоила – точно. Пожалуй, столько «откровений» на меня не сваливалось за несколько лет обучения в Школе.

Главный Государственный Оракул с... дефектом или с талантом, я так и не поняла.

Негласный – или гласный и подписанный? – договор между пифиями и оракулами.

Я – предмет спора между двумя самыми могущественными людьми в иерархии нашего института (Брель официально возглавляет всю службу пророчеств, а нашей директрисе по старинке принадлежит негласная власть среди пифий, и частично – среди оракулов). По идее, я должна гордиться, Юлька бы вон уже сама не своя от счастья была...

Да, и ещё я – истинная пифия.

Из Школы теперь уже точно не выпрут.

– Нет, – сказала я, открывая глаза.

Елизавета аж подскочила на стуле.

– Что значит – «нет»?!

Я села, с недоумением глядя на почему-то рассердившуюся наставницу.

– Ну, это значит... нет. Ответ на заданный вопрос.

– Боже ты мой, и это всё, что услышит твой клиент? «Нет»!

На мой беспомощный взгляд Матвей только вскинул ладони: мол, это ваши, пифийные, дела! Отошёл и уселся наслаждаться спектаклем.

– Мало того, что ты перебила оракула, не дав ему сформулировать предсказание, ты ещё ответила односложно и однозначно!

– Ну а как ещё? Это же единственный ответ на заданный вопрос... Я же видела...

Елизавета упёрла руки в рыхлые бока.

– Я, конечно, предполагала, что ты пропустила многое из теории предсказаний и психологии, но я не знала, что ты пропустила всё! Совсем недавно ты практиковалась в гадательном салоне. Как, думаешь, прореагировала бы клиентка, получив такой точный и безапелляционный ответ? Она бы почувствовала себя обманутой и больше никогда бы не вернулась в этот салон!

Я вспомнила витиеватую и темпераментную речь Гайдэ с бесконечными туманными обещаниями, что в конце концов всё будет хорошо, хотя этому и может помешать некая пиковая дама и поздняя дорожка в казенный дом... Да уж, её никто не сумеет обвинить в категоричности и однозначности! Гадание можно повернуть и так и этак, и любая клиентка будет утверждать: «а ведь карты правду говорили!»

Я с сомнением спросила:

– В смысле, я что, должна устраивать целое шоу? Даже если...

– Тем более «если»! Люди приходят к тебе с самым сокровенным и важным – с чем не пойдут к своим родным и даже к исповедникам! Они верят, что их проблема очень трудна или даже не разрешима. И они вправе ожидать от тебя внимательного и вдумчивого вникания в вопрос, длительного поиска ответа, который они не сумели найти.

Будь чуткой к их чувствам и ожиданиям. Да и, в конце концов, клиенты платят тебе деньги и вправе требовать их честной отработки!

– Думаю, коммерческая составляющая работы пифии для Цыпилмы сейчас не особенно актуальна.

Елизавета развернулась на этот негромкий ровный голос. В класс предсказаний прибыл Главный Государственный Оракул. Матвей, еле приподняв зад со стула, пожимал ему руку.

– Прошу прощения, господин Брель, но в работе пифий просто нет мелочей!

– Безусловно, госпожа наставница. Но сейчас необходимо ускорить практическую подготовку, теорию Цыпилма может нагнать и позже...

– Опять же прошу прощения, но мы лучше знаем, как готовить и обучать наших воспитанниц! – Елизавета вздёрнула острый нос и даже зарделась от того, как дерзко ответила самому Главному Оракулу.

Брель смотрел на неё своим обычным скучным взглядом. Согласился вежливо:

– Я, как, впрочем, и господин Президент, с величайшим доверием отношусь к вашему педагогическому опыту и вашим знаниям...

Елизавета сникла. Пробормотала:

– Позвольте ваш плащ, господин Главный Оракул.

– Спасибо, – Оракул отдал ей серый плащ, перекинутый через руку.

Бормоча что-то – но так, чтобы никто гарантированно не расслышал – наставница на время ретировалась. Со мной теперь занимались индивидуально, и в классе, кроме нас четверых, никого не было.

– Здравствуй, Цыпилма.

Оракул, поддёрнув брюки, присел напротив. Поднял очки на лоб – так обычно сдвигают солнцезащитные. Может, он носит очки не по необходимости, а просто отгораживается ими от мира? От нас. Смотрел он изучающе – искал на моём лице отпечаток усвоенных знаний? Наверняка безуспешно.

– Здравствуйте, господин Главный...

– Сергей, – поправил он. – Как ты себя чувствуешь? Выглядишь бледной.

Спросил, не оборачиваясь:

– Какие результаты медкомиссии?

– Отличные! – с удовольствием доложил Матвей. – Наша девочка здоровее бельгийской тёлки!

Сравнение с тёлкой – да ещё почему-то бельгийской – показалось мне обидным.

– У меня ангина иногда бывает, – пробурчала я.

– Как идёт обучение?

Я пожала плечами.

– Идёт...

– Чему ты научилась? – не отставал Брель.

Я прямо взглянула ему в глаза. Ответила серьёзно:

– Очки втирать.

У него дрогнули губы – чуть-чуть. Мне вдруг захотелось увидеть, как Сергей улыбается по-настоящему. Или даже смеётся. Уж очень он... спокойный, внимательный, собранный...

Как будто постоянно сидит в засаде.

– Хорошее умение, – оценил он. – Обязательно пригодится в жизни. У тебя есть ко мне вопросы?

Когда это у меня не было вопросов!

– Елизавета сказала, что мы безбожно гоним... – я услышала хмыканье Матвея и поспешно добавила, – вы только не подумайте, что я жалуюсь! Что вы нас подгоняете. Куда мы торопимся?

Оракул плавно вывернул сомкнутые ладони.

– Видишь ли... Истинных пифий осталось мало. Боюсь, в ближайшее время они понадобятся Президенту все.

Зачем это? Я вдруг вспомнила: «Лишь когда ответ слишком важен... тогда всех ведущих пифий страны спрашивают об одном и том же».

– Он хочет узнать что-то важное?

Оракул веско кивнул.

– А что именно?

Матвей за его спиной кашлянул.

– Господин Главный Оракул...

– Не беспокойся, Матвей, – бросил Брель через плечо. – Цыпилма уже взрослая девочка.

– Господин Брель...

– И она имеет полное право знать, какой именно вопрос интересует Президента. Ведь так, Цыпилма?

Я машинально кивнула. Я всегда была любопытной – потому Матвей и прозвал меня сорокой.

Возмущённый возглас школьного оракула:

– Серёжа, ты переходишь уже всякие границы!

Я даже не сразу сообразила, что это ещё за Серёжа такой...

– И не в первый раз, как я понимаю.

– Добрый день, госпожа директриса, – сказал Брель, неторопливо вставая.

– Формируем общественное мнение среди пифий, как я вижу? – спросила Мадам.

Брель слегка приподнял уголки губ. Промолчал. Где-то он «окарал» и знал это.

– Я не могу запретить вам приходить в Школу, господин Главный Оракул, – сказала Мадам со вздохом, очень похожим на матвеевский. Явно сожалея. – Но я ЗАПРЕЩАЮ вам разговаривать с данной пифией в моё отсутствие. И тебе, Цыпилма, – тоже. Если ты ещё раз заговоришь без меня с господином Брелем, вылетишь из Школы в мгновение ока! Пифия-недоучка не нужна даже нашему Президенту, не так ли, господин Брель? Ты всё поняла, Цыпилма? – Мадам перчила наши головы угрозами и приказами равномерно, чтоб никому не было обидно.

Я не поняла, но главное уяснила. Закивала. Брель из себя китайского болванчика изображать не стал, но отошёл и сел рядом с Матвеем.

Я, конечно, попыталась потом выпросить у Матвея, что же мне хотел поведать Главный. Неудачно. Тот как отрезал:

– Пифия должна узнавать вопрос только в трансе! Вопрос, известный заранее, может повлиять на результат пророчества, тем более, у такой неопытной, как ты. Парень совсем зарвался!

Теперь Главный Оракул появлялся почти каждый день: придёт, поздоровается и наблюдает – так неподвижно и неслышно, что мы все периодически забывали о его присутствии. Иногда не замечали даже, как он уходил. Брель опять казался мне затаившимся в засаде хищником. Вежливым, тихим, спокойным... но всё же хищником.

Впрочем, и Мадам тоже стала регулярно заглядывать в класс предсказаний. Эта, правда, не молчала: то отпускала замечания Елизавете, то меня строила. Даже непонятно было – какие у меня успехи, и есть ли они вообще.

Меня гоняли по простым вопросам, понемногу их усложняя – сначала по смыслу, потом и по удалённости во времени. Работал меня Матвей – непонятно, что он там грузил насчет своего здоровья, справлялся ведь...

Но однажды Мадам всё-таки сказала:

– Господин Брель, прошу!

Даже не оборачиваясь.

Главный Оракул встал, подошёл, поглядывая то на неё, то на меня.

– Можете, – сказала ему Мадам.

Точно пса с поводка спускала.

Мы выжидающе смотрели на Пифию. Она как-то незаметно – бледно – улыбалась, просматривая лист с заготовленными вопросами. Я не сомневалась, что ничего доброго нам не предложат.

А куда деваться? Смирно прилегла, скрестила на груди руки. Елизавете очень не нравится моя поза, говорит, нет настоящего расслабления, поза-то оборонительная. Как тут не обороняться, когда кругом одни странности? Вдохнула знакомые ароматы дымящихся на

жаровне снадобий; к ним примешивался ещё один – одеколону Главного Оракула. Думаю, нужно использовать его для погружения пифий в транс – я поплыла куда быстрее, чем раньше. Даже озаботилась в последний момент: а не этот ли самый одеколону послужил последней каплей, не его ли всегда не хватало мне на площадке предсказаний?

...Мадам с вопросом не подкачала: чем обернётся противостояние на северной границе в ближайшие полгода?

Вот чем-чем, а политикой я точно не интересуюсь. Знаю, что парней вербуют туда на службу по контракту, потому как на границе неспокойно, и что отношения с соседями у нас не ахти. Президент всё время призывает обе стороны к терпимости и лояльности, а сам то и дело ввязывается в политические и военные драки.

Ну вопрос есть вопрос – хотя какой дурак придёт с ним в Государственный Храм, ума не приложу. Разве что уж очень озабоченный политикой пенсионер готов заплатить деньги за подобное предсказание.

...Традиционно укутанная в пиджак Оракула, я жевала шоколад (по уверению Елизаветы, очень полезно после трансa, поэтому нам ежедневно выдают по маленькой шоколадке) и слушала непонятную перебранку пифий-оракула. По-моему, Брель успешно перекрикивал обоих.

– Я же вам говорила!

– Это ничего не доказывает...

– Желаете повторить?

– А что это вы так радуетесь?

– Вот только не надо передёргивать!

– Ну ты как, сорока? – Матвей присел рядом, растирая моё плечо. Я дёрнула им.

– Да нормально! Чего они все психуют?

Матвей осклабился. Зубов у него не хватало.

– Результат не удовлетворяет.

Я едва не подавилась шоколадкой.

– В смысле? Нормальный результат. Все живы и здоровы!

– Вот это их и не устраивает...

– Почему?

Главный Оракул бесцеремонно отодвинул школьного. Сердитые серые – нет, даже какие-то ртутные глаза – прямо напротив моих.

– Цыпила, помнишь, я рассказывал тебе о пространстве вариантов?

– Ну да...

Язвительный голос Главной:

– Наш пострел и тут поспел!

– Я тогда не договорил. – Оракул проигнорировал её. – Представь себе пространство вариантов как систему координат... как на уроке алгебры.

– Угу. Ну?

– Пифия берет самый вероятностный тип развития сценария. Но ведь вариантов существует бесчисленное множество!

– В смысле, если двигаться дальше по линиям икс или игрек?

– Или по обеим.

Я поглядела на Пифию, возвышавшуюся над склонившимся ко мне Оракулом. Между прочим, она ещё почище меня скрещивает на груди руки, к чему бы это? Брель спросил, не оборачиваясь:

– Я где-то не прав, госпожа директриса?

– Вы совершенно правы, господин Главный Оракул, – ровно отозвалась та. – Цыпилма, иногда пифиям рекомендуются двигаться дальше самого вероятного развития сценария.

– В смысле... – стеснённо спросила я. Я чуть ли не в первый раз напрямую беседовала с нашей директрисой. – Кем рекомендуется?

Вот теперь Брель выпрямился и переглянулся с пифией.

– Например, господином Президентом, – сказала Мадам. И добавила. – Или мной.

Всегда подозревала, что наша Главная страдает манией величия!

– А что это к нам ГЭГЭО зачастил? – спросила у зеркала Ольга.

– А это он на нашу Цыпилму запал! – сообщила Сара.

И соседки с ожиданием уставились на меня. Я аж зачесалась от нервов – что говорить, что не говорить... Раньше мы обсуждали всё. Ну практически. Ещё удивляюсь, что девчонки так долго продержались, с расспросами не приставали особо.

– Ну, – осторожно начала я. – Он всё это время только наблюдал. Только вот сегодня...

– Видать, ты ему понравилась! – со знанием дела заявила Ольга.

– Да прям!

– ...как пифия, – захлопала соседка невинными голубыми глазками. – А ты про что подумала?

– Наверно, понравилась, – пробормотала я. – Раз он меня будет работать.

– А? Что? – синхронно спросили девчонки. У Ольги аж расчёска запуталась в волосах.

– Почему тебя-то? – с какой-то даже претензией спросила Сара. Я подумала – обидеться или нет. Решила: не буду. Конечно, столько лет была пробка пробкой... а тут раз – и истинная!

– Не знаю, – сказала честно. – Он мне не объяснил.

– И как он тебе? – с любопытством спросила Олька. – Ну, по сравнению с другими?

– Да ей-то откуда знать! – откликнулась вместо меня Сара.

– В смысле? – возмутилась я. – Будто ты оракулов больше всех нас перепробовала!

– Всех-не всех, но кое-кого...

– Ага, Рыжего своего!

– Между прочим, один мой Рыжий стоит десяти твоих тупых двоечников!

Ну мы и разругались... Вообще-то, Сарка любит это делать, но я обычно её не поддерживаю. Сегодня завелась – может, даже нарочно – чтобы они прекратили расспрашивать, чтобы не пришлось признаваться, что я – Истинная, вот так вот получилось... Смешно, но вместо того, чтоб трубить на весь белый свет, у меня язык не поворачивается сказать об этом. А вдруг они обидятся на меня или... вообще будут относиться как к Синельниковой?

Хотя та сама хороша.

После того, как мы плакали под дождём на ступеньках Школы, мы с Юлькой не то чтоб подружились – поддерживали взаимный нейтралитет. Иногда мне казалось, она хочет поговорить со мной, что-то спросить, но... каждый раз передумывает.

Они здорово достали меня с этими пространством вариантов и системой координат. Движемся, движемся, всё дальше и дальше... Отрабатываем бесчисленное количество вариантов развития одного и того же события. На мои вопросы – зачем это? – только отмахивались: мол, это не существенно, всё потом, иди по основам, набирайся практики, теорию освоишь позже...

Счас, как же! Матвей еле успевал отбиваться от меня: ты что, сорока, это дела пифий, я тебе только про оракулов... Пробовала я подступиться и к Главному: тот вежливо уклонялся, переводил стрелки на моих наставников. Мол, да я тут так просто, в сторонке сижу... Во все глаза гляжу.

Мадам – вот кто со мной хоть немного разговаривал. Пришла как-то под конец занятия, досидела до звонка, отпустила-прогнала Елизавету. Матвея выгонять не стала: то ли тот пользуется её особым доверием, то ли, наоборот, она его в грош не ставит. Под фирменным леденящим взглядом Главной я села ровненько, сложила на коленях ручки чинно.

– Цыпилма, ты хорошо знаешь историю?

– Умеренно...

– То есть никак.

Я промолчала. Ну, у кого-то проблемы с грамотностью, а у меня – с датами. Это, наверное, врождённое. Ещё бы кто объяснил это нашему историку...

Но Мадам завела речь вовсе не о датах – о событиях полувековой давности, когда она сама только-только закончила Школу.

– В те дни всюду критиковали устаревший институт пророчеств – ведь другие государства давно от него отказались – и ничего, живут и процветают. А у нас и точность предсказаний падает, и подготовка молодых пифий доверия не внушает. Да и о продажности оракулов просто легенды ходили... Словом, велась крупномасштабная кампания против предсказателей.

Она сделала паузу и закончила тоном, каким старухи обычно вещают о своих тяжёлых многочисленных болезнях – и скорбным и гордым одновременно:

– Вот с чего мы начинали...

– И, – она повела рукой, – посмотри, чего мы добились!

Я машинально оглядела традиционно тёмный класс предсказаний. Множество оплывающих свечей, сероватый дымок над тлеющей жаровней; полукруглые ряды сидений тают в темноте.

– Сейчас начинается то же самое, – сказала Главная.

От неожиданности я обрела свой обычный дар речи – довольно скудный дар.

– В смысле?! – спросила я.

– История развивается по спирали. Вот и мы возвращаемся к тому, с чего начали... А, вижу, газет ты тоже не читаешь!

Не читаю. Но сейчас вспомнила, как Сара иногда от злости аж комкает газету, вопит возмущённо: «Нет, вы поглядите, что этот придурок пишет! Что мы – просто чокнутые дурочки, несём всякий бред, а люди нам верят... Что мы – живое суеверие!» «Не мусори в комнате, – обычно говорит ей Ольга, – и всякую фигню не читай».

– Президент, как может, защищает нас от нападков, но противники делают из мухи слона, играют на наших временных трудностях...

– ...трудностях... – глубокомысленным эхом отозвалась я.

Главная смотрела на меня, не мигая. Старая, мудрая, грозная... змея.

– Ты же знаешь, Цыпилма... надеюсь, что знаешь, что принятие важнейших решений проходит через парламент, а потом – через Большое Пророчество? А то и только через одно Пророчество?

– Угу.

– И знаешь, что состоит он из тринадцати пар пифий-оракулов?

– Угу.

– Так вот, – Главная легко, как-то призрачно вздохнула. – У нас скоро не наберётся тринадцати Истинных пифий.

– Тебе сказали? – Брель, сняв пиджак, закатывал рукава рубашки. Точно собирался из меня предсказание выбивать.

– Про тринадцать? Сказали.

Я разглядывала его руки. Довольно загорелые, сильные. На широком запястье – дорогие металлические часы.

– А правда, что Истинных стало очень мало рождаться, не как раньше?

– Вполне возможно. А ещё поговаривают, – Оракул быстро взглянул на меня, словно хотел увидеть впечатление от своих слов, – что методы обучения пифий устарели. Наставники ШП просто уже не могут обнаружить истинный дар. Это доказывает и твой случай – ведь твоё рождение произошло чисто случайно. Три Истинных на целую Школу... прости, без Далии уже две... – это очень, это слишком мало. Да и молодёжь неохотно пробуете в предсказатели. Престиж этой профессии, нашей профессии падает.

Брель присел на площадку со мной рядом, обхватив согнутое колено сцеплёнными пальцами. Дорогая ткань брюк обтянула мышцы. Не похоже, что Оракул качается на тренажёрах, но он такой... спортивный. Бегает, наверно.

– Мадам сказала, что мне, возможно, придётся участвовать в Большом Пророчестве. Потому что многие истинные такие старые, что вот-вот...

– Если в нём всё-таки возникнет необходимость – придётся.

– Но я же ещё несовершеннолетняя! – жалобно проблеяла я. – И у меня опыта никакого!

– Это, конечно, не радует, но пока у нас нет под рукой склада совершеннолетних Истинных.

Казалось, что Оракул подсмеивается надо мной, но Брель смотрел серьёзно.

– Не расстраивайся так и ничего не бойся. Вряд ли твой голос будет в Пророчестве решающим. Ты просто будешь делать то, чему тебя учили.

– Угу, – пробормотала я. – Вот заблужусь в вашем... пространстве вариантов и не найду дороги назад.

Брель едва заметно улыбнулся:

– Я помогу тебе.

– В смысле? – Я открыла рот от изумления. – Вы что, в Большом Пророчестве будете работать со мной?

– Да.

– А как же Лора? Она ведь Главная Государственная...

Оракул перебил меня:

– Я помню её должность, спасибо. У меня есть заместитель, который уже не раз работал с Лорой – во время моего отпуска, например. Думаю, они прекрасно справятся в паре. А тебе...

Он рассматривал меня задумчиво:

– ...тебе нужна будет помощь. Сегодня мы переходим к выбору вариантов. Ты будешь учиться слышать меня и выбирать именно тот ответ, что нам нужен.

Какое-то натаскивание щенка на поиск потерянной вещи! Не нравится мне это. Неправильно всё. Но посмотрев на непреклонно-сосредоточенные лица Бреля и Мадам, наблюдавшей за нами с первого ряда, я смирилась. Ну, раз это входит в программу стандартного обучения истинной...

Всё равно я упрямо отворачивала лицо от ползущего на меня знакомого аромата снадобий. Ворчала:

– Раз вы знаете, какой ответ нужен, и пророчествовали бы сами тогда! На что вам пифия, если вы и сами всё у нас умеете и знаете! Просто гибрид какой-то, а не оракул!

– Что там ещё такое, Цыпилма? – раздражённо рыкнула Мадам. – Собираемся заниматься или будем и дальше болтать?

– Собираемся-собираемся, – пробурчала я. Перед тем как закрыть глаза, бросила взгляд на стоявшего надо мной Бреля. Тот глядел перед собой, губы плотно сжаты, челюсти стиснуты. На скулах – красные пятна. Ну вот и я сподобилась вывести ГГО из себя...

...Я легонько обвилась вокруг красной толстой нити предсказания, потянула наружу из запутанных узоров возможностей, пронизывающих пространство ещё несбывшегося. Вытянуть, показать – чтобы вопрос зацепился за ответ, чтобы завязался узел начала и следствия...

Мягкая прохлада обвела мне щеку. Я оглянулась – мимо меня скользнула серая тень Оракула. Он был почти прозрачен, а так – совершенно такой же как в действительности. Шёл, заложив руки в карманы, задумчиво разглядывая пересечения нитей. Я, на время оставив свою, с любопытством двинулась следом. Оракул иногда останавливался, а то и присаживался на корточки, изучая узлы событий, связывающие это предсказание с дальнейшими событиями. Недовольно качал головой и снова шёл дальше.

Остановился наконец и повернулся ко мне. Ждал. Я подошла, с сомнением разглядывая нить, возле которой он стоял. Тонкая, бесцветная, прочерченная линиями стрый – вот-вот порвётся. Нет. Неправильно. Не надёжно. Практически невозможно.

Оракул вновь показал на выбранное пророчество. Я качнула головой и пошла к своему. Нити рябили у меня перед глазами, туго натягивались,

вибрировали, разноцветные узлы-клубки событий путались, кружились и выскакивали из-под ног, так что я то и дело спотыкалась. Казалось, я иду по зыбкому покачивающемуся болоту, ещё шаг – и провалишься, утонешь в несбыточном... Я начала придерживаться за нити – они резали ладони в кровь или просто обжигали – то жаром, то холодом. Когда я оглянулась, обнаружила, что не так уж далеко отошла от Оракула – точно бродила в трёх соснах и всё время выходила на него. Он стоял, руки в карманах – вроде бы ничего не делал, только глядел на меня, но я вдруг поняла – это он меня не пускает!

Я вновь повернулась к нему спиной и упрямо потопала вперёд – назад к моему предсказанию. Нити дрожали и путались, заграждали мне дорогу, словно деревья в зловещем лесу. Я подняла руки и начала ломать их, рвать ногтями, продираться сквозь.

А за спиной у меня застыл мой оракул...

Вынырнув из транса, я повернула голову, привычно ожидая увидеть рядом с собой Сергея.

Его не было.

Оракул стоял неподалёку – ко мне в профиль, аккуратно перекинув через руки пиджак. Негромко разговаривал с Главной.

– ...могут быть проблемы... – услышала я его слова.

Мадам сказала что-то, Брель качнул головой.

– Мы с вами в одной лодке, помните это.

И, даже не взглянув в мою сторону, направился к двери. Шёл неторопливо, аккуратно ставя ноги – но невооружённым взглядом было видно, как его «штормит». Недаром Виктор машинально протянул руку – поддержать под локоть. И отдёргнул, напоровшись, видимо, на не очень ласковый взгляд Оракула.

Я села на площадке, скрестив согнутые ноги. Исподлобья следила за директрисой: та стояла перед площадкой, задумчиво рассматривая пол под ногами.

Я сказала быстро, чтоб её опередить:

– Почему это я должна слушаться оракула? Вы же сами говорили – главная в паре пифия!

Мадам даже не повернула головы. Отозвалась равнодушно:

– А мальчишкам-оракулам говорят, что пифии – это просто чокнутые накумаренные девчонки, несущие всякий бред, в котором им, беднягам, нужно отыскать хоть капельку смысла.

Я аж рот разинула.

Главная, кажется, приняла решение. Повернулась ко мне со словами:

– Цыпилма, ты подводишь Школу!

Ох-ох, нашла чем испугать! Как будто я её раньше не подводила...

- В смысле? Потому что не подчиняюсь своему оракулу?
- Не только своему – но и Главному Президентскому Оракулу! Клянусь, эти слова она произнесла просто с большой буквы!
- Ну... да. И этому тоже... И что?

Главная медленно закружилась по классу.

– Я рассказывала тебе о... сложившейся вокруг предсказателей ситуации. О том, что только Президент стоит между Школой и теми, кто намеревается нас уничтожить.

Сильно сказано. Но Мадам не привирала и не накручивала себя или меня. Парни и девочки из выпускных классов на полном серьёзе поговаривали о том же, просто я их раньше не слышала. Потому что не слушала.

– Не секрет, что срок Президента подходит к концу. Через полгода – пере выборы...

Вот ни капли не расстроюсь, если нашего Президента не переизберут! По-моему, он совершенно не умеет разговаривать с людьми, взять хотя бы проблемы на северной границе. Вообще, мне иногда кажется, дело там просто идёт к войне.

– ...некоторые политические партии используют как доказательство, что методы правления Президента никуда не годятся, его уважение к институту пророчеств. Говорят, что при принятии решений необходимо полагаться на аналитиков, а не на туманные предсказания, которые можно толковать и так и эдак. Буду с тобой откровенна. Ты достаточно взрослая, чтобы понять положение вещей. Президенту нужно пророчество...

– Угу.

– Не перебивай меня! Ему нужно определённое пророчество.

– А... какое именно?

– Ты, как пифия, не должна знать, поэтому тебе и нужен направляющий оракул.

– А-а-а... если вообще не найдётся нужного ответа?

– Это невозможно. В пространстве вариантов имеются все ответы.

– Получается, что мы просто врём? Ну и зачем тогда оракулу направлять, а мне – искать? Скажите Президенту то, что он хочет услышать! И не надо блуждать по пространству вариантов.

– Вот ЭТО действительно будет ложью, Цыпилма! – категорически заявила Мадам. – Это значит, что мы возвращаемся к тому, с чего начинали, от чего отказались! Мы ведь ничего не придумываем, хоть мы и выбираем, но всё равно пророчествуем.

Что-то я не улавливаю: значит, врать нехорошо, предсказание должно быть предсказанием, а что оно основано на предварительном

сговоре, – вовсе не враньё... Странная позиция. Отличие настолько тонкое, что я его просто не улавливаю.

– А остальные пифии... их тоже будут направлять?

Главная смотрела на меня устало:

– Остальные – мы – опытные пифии.

Угу, натасканные в поиске нужного ответа. Сколько раз в истории пророчество произносилось в угоду кому-либо?

– Итак, твои дальнейшие уроки – отработка взаимодействия со своим оракулом. Слава богу, тебе достался такой опытный напарник! В ситуации Большого Пророчества тебе придётся быть ведомой.

Первый-первый, я ведомый... вижу цель – нужное пророчество!

– Госпожа директриса разрешила нам сегодня поработать без неё, под надёжным присмотром, конечно.

Мы, не сговариваясь, взглянули на «присмотр». Матвей, откинувшись на спинку стула, откровенно дремал. Елизавета с ворчанием сверяла списки снадобий – проводила инвентаризацию. Что-то у неё там не сходилось, поэтому она почти не обращала на нас внимания. Наверное, девчонки опять спёрли снадобья для «малого транс», который мы иногда практикуем с парнями-оракулами – чтобы подработать или узнать что-то неотложное: ну, например, как попасть на концерт любимой рок-группы бесплатно...

– Скажите, господин Главный...

– Сергей, – привычно поправил Брель.

– ...Оракул, – привычно закончила я, – а Президент уже знает, каким будет Большое Пророчество?

– То есть?

– Ну, он знает, что ответ будет тот, какой ему нужен?

Брель смотрел на меня с каменным лицом.

– Я не господь бог, чтобы читать мысли Президента.

– Ну вы ведь его оракул, практически личный советник... Ведь это вы, наверное, доводите до предсказателей его желание, да? Тем более, вы тогда сказали: «все мы в одной лодке», – вы же хотите сохранить всё как есть? И Школы, и храмы?

– Институт Пророчеств нуждается в некоторой реорганизации, но, конечно, да, Цыпилма, – он еле заметно улыбнулся. – Иначе я попросту теряю свою работу.

И положение. И эту машину. И деньги...

– А вот, – осторожно продолжила я, – если кто-нибудь из пифий или оракулов откажется?

Брель качнул головой:

– Это будет очень неумно с их стороны.

– Нет, ну а всё-таки?

– Будем надеяться, что их голос не окажется решающим. Предсказателей, всё-таки, тринадцать.

– А вы со всеми участниками разговаривали – ну, о том, какое пророчество нужно?

– С некоторыми беседовала госпожа директриса.

– А с... Далией?

– С Далией и её оракулом разговаривал я.

– И что она вам ответила?

– Обещала всё обдумать.

– И... обдумала?

– К сожалению, мы с ней больше не увиделись.

Оракул смотрел на меня внимательно:

– Цыпилма. Что именно ты хотела меня спросить?

Да откуда я знаю? Хотела, наверное, чтобы он ответил: нет, Далия не согласилась! Возмутилась и прогнала меня с позором!

– Пожалуйста, Цыпилма, мы будем с тобой сегодня работать? – почти просительно произнёс Главный Государственный Оракул.

...Я танцую посреди города – мимо и сквозь меня движутся люди, едут машины. Идёт дождь; косые тёмные струи-струны с шумом секут воздух, не задевая меня, не оставляя и следа на моём белоснежном платье. Всюду, куда не кинь взгляд, город прочерчивают координатные линии проспектов, от них отходят новые линии – улиц и переулков, – и каждая точка пересечения даёт новый вариант развития и виденья мира. Я – Я! – могу выбирать любую из этих точек, нанизывать как бусины на канву событий, перебирать их, моделируя новые и новые узоры...

Я могу – могу! – пригласить на танец-узор само Мироздание.

Я склоняюсь перед ним в насмешливом поклоне: станцуй со мной белый танец, а там увидим, что у нас получится.

Мы танцуем...

Оракул, который сидел, по-восточному скрестив ноги, на площадке рядом со мной, шевельнулся и медленно открыл глаза. Смотрел на меня туманно, словно просыпаясь... Рубашка на нём была расстёгнута почти до пояса; лицо, грудь под белой майкой – мокрые от пота. Неужели в классе так жарко?

«Присмотр» забросил все свои учеты и дремоты и теперь глазел на нас.

– Мы и вопроса не успели тебе задать, – подытожил Матвей. – Ну вот и всё, сорока.

– В смысле?

– Яд предсказания, – вздохнул старый оракул. – Он проник в тебя. Теперь уж ты ни за что не отступишься...

Конечно. А надо, чтоб отступилась? Тогда какого же фи́га я теряю жизнь в Школе Пифий?

Я потянулась, ощущая во всём теле сладкую дремоту – как после долгого крепкого сна. Сон... это был сон? Что-то летящее... танец... летящий танец? Я обернулась к оракулу, к своему оракулу – спросить, а видел ли он...

Сергей опустил глаза и стал тщательно застёгивать пуговицы рубашки. Это у него получалось медленно – пальцы заметно дрожали. Казалось, он устал куда больше моего.

– Полёт-то, видать, был хорош... – негромко сказал за моей спиной Матвей. Я даже вздрогнула – а как он?.. Но наш школьный оракул смотрел вовсе не на меня. На Брею. Тоже со странным выражением – с насмешливо-грустной завистью. Почти с ностальгией.

Наверное, не будь этого... полёта, я бы так и не решилась подойти к Юльке.

Синельникова сидела на широком подоконнике в коридоре жилого крыла Школы и смотрела в плачущее осеннее окно. Я остановилась перед своей комнатой (там смеялись и болтали девчонки) и повернула назад.

– Привет, Юль.

Та глянула мрачно и отвернулась. Я не ушла.

– Юль, а что ты видишь в трансе? Я вот – что-то типа холста или недотканного ковра. Нити – это предсказание. Надо подобрать нить, чтобы правильно вплести в узор...

Синельникова помолчала и сообщила окну:

– А Далия говорила, у неё поле с разноцветными цветами. Она выбирала самый красивый.

Я попыталась представить целое поле цветов. Да, такое могло быть только у Далии... Я глядела на тощую шею Юльки: а ведь ей теперь не с кем в Школе и словом перемолвиться – ну, кроме Елизаветы, конечно. С Далией они если не дружили, то хоть часто разговаривали, смеялись даже...

– Юль, хочешь шоколадку?

Синельникова дёрнула головой, изумлённо взглянула сначала на меня, потом на протянутую начатую шоколадку. Спустила ноги с подоконника.

– У меня аллергия!

И пошла, задрав нос, прочь по коридору. Я думала, так и уйдёт, гордая, – но Юлька остановилась у своей комнаты и сказала, глядя в пол:

– У меня – шахматная доска. Я должна сделать верный ход, чтобы не было мата и пата, – и быстро скрылась за дверью.

– Чтобы у тебя не возникло излишнего самомнения, Цыпилма, – сказала Мадам, – тебе надо уяснить кое-что. Ты вовсе не уникальна! Твои пророческие способности не превышают среднего уровня истинности, процент ошибок слишком велик, а трудоспособность и ответственность внушают мне серьёзные опасения...

Эта речь, видимо, должна была вдохновить меня на дальнейшие подвиги на стезе пророчеств! Главная никогда не читала психологов, которые рекомендуют подбадривать и поощрять человека в его многотрудной жизни – с тем, чтобы он стремился, окрылённый, к новым сияющим вершинам. Мадам признает лишь один метод воспитания – кнут, забывая про пряник.

– Ты можешь спросить меня, отчего же тогда Главный Президентский Оракул так настаивает на личных сеансах с тобой...

Я наострила уши. Мочь-то я, конечно, могу, ещё бы кто мне на это ответил! Похоже, Главная тоже испытывала трудности в формулировке ответа: поглядела в окно, сделал глоток из высокого стакана. Мадам всегда пьёт только воду.

– Крайне редко формируется пара пифия-оракул, идеально подходящая друг к другу. Насколько тебе подходит Брель, мы ещё не знаем, ибо ты работала по-настоящему лишь с ним и со школьным оракулом. И я буду настаивать, чтобы только этими кандидатурами мы не ограничились. Но – к сожалению... или к счастью... это уж как посмотреть, ты для Главного Оракула идеальна.

Ого! Я ещё не успела проникнуться и насладиться звучанием этих слов, как Мадам не замедлила капнуть яду:

– Хотя в этом нет никакой твоей заслуги.

Шесть за, семь – против.

Семь против, и никак иначе...

«Три осколка прошлого», как называл их (и себя) Матвей, в который раз, словно пасьянс, раскладывали карточки с именами пифий.

– Сколько у нас в запасе? Ещё пара дней?

– Да, времени мало осталось...

Елизавета заморожено следила за ловкими пальцами Мадам: как в давние-давние школьные годы, когда у Главной ещё было имя, и они раскидывали карты на судьбу и королей...

– Ты говорила с ними?

– Да. И не раз.

– И что?

– Они даже не колеблются. Я... – директриса помедлила, прежде чем признать это. – Я потеряла на них всякое влияние.

– Это просто заговор какой-то!

– Ну-ну-ну, – вмешался оракул с привычной усталой насмешкой. – Вы, мои девочки, не главы какой-нибудь политической партии, не забываете! Гордитесь, что вы вырастили таких сильных и умных пифий. И смиритесь, наконец, с поражением.

Елизавета с досадой отмахнулась. Мадам смеялась карточки.

– Завтра попробую ещё поговорить с Галиной. Она всегда была разумной девочкой.

Семь против, и никак иначе...

Ну это мы еще посмотрим!

– ...Стоп! Остановитесь!

Я слышу возмущённый писк Елизаветы:

– Вы что?.. Вы что себе позволяете? Что вы делаете?!

– В чём дело? – это уже Матвей.

– Немедленно прекратите сеанс!

Я еле-еле, нехотя раскрываю тяжёлые веки. Народу неожиданно много. Они кучкуются вокруг площадки, оттесняя наставников в сторону. Слышу, как падает жаровня – вот дураки-то, уронили, ещё пожар в классе устройте!

Надо мной склоняется Главный Государственный Оракул. Тормозит за плечи, хватая цепкими пальцами за подбородок, вглядывается в глаза:

– Ты как? Цыпилма, как ты себя чувствуешь?

– Добрый день... – сонно бормочу я.

Оракул, не оборачиваясь, приказывает:

– Доктор, посмотрите! Быстро!

– Ну-ка, ну-ка, что тут у нас? – передо мной возникает пожилой мужчина. Всё время, пока он считает мой пульс, меряет давление, заглядывает мне в рот и оттягивает веки, Оракул стоит неподвижно рядом, точно часовой. За стеной людей, окруживших площадку, продолжает возмущаться Елизавета. Матвея не слышно.

– Состояние соответствует начальному вхождению пифии в транс, – наконец объявляет врач. – Никаких особенностей не нахожу.

– Благодарю. Проследите, чтобы собрали всё содержимое жаровни – когда остынет. Анализ cito.

Я сажусь, Оракул поспешно помогает мне, придерживает за ватные плечи. Говорят, прерванный транс – как прерванная беременность. Организм требует продолжения и мстит. В моём случае – неудержимым головокружением. Кажется, меня сейчас даже стошнит, хотя и нечем; я, по всем правилам, не завтракала...

– Что здесь происходит?!

Тёмная стена из людей раздвигается, пропуская директрису, и вновь схлопывается. Брель даже не оборачивается к Главной, небрежно так бросает через плечо:

– Всё в порядке. Ситуация под контролем.

Мадам окидывает меня быстрым взглядом и начинает в своей обычной змеиной манере гипнотизировать ГГО. Уважаю Бреля! Он не поддаётся.

– Под чьим контролем? – спрашивает Мадам, поняв, что противник ей не по зубам.

– Моим личным, – сухо отзывается Брель. – Помолчите-ка минутку.

Мадам молчит – наверно, просто дар речи потеряла от неожиданности. Впервые кто-то предложил ей заткнуться, да ещё в её собственных владениях! Мы втроём наблюдаем, как содержимое жаровни высыпает в плотный мешок. Врач не поленился даже, ползая на коленях, собрать рассыпанное с пола – всё до капельки. Отдуваясь, поднимается, победно встряхивает мешком, точно уловом хвастается.

– Ну так я побежал?

– Да, пожалуйста. Все, кроме Виктора, могут быть свободны.

Мужчины молчаливой дисциплинированной цепочкой выходят из класса. У двери остается уже привычный мне «шкаф» – постоянный телохранитель Бреля. К нам подступает возмущённая донельза Елизавета. Трясёт растопыренными ладонями.

– Эти... бугаи хватали меня за руки! Видите, будут синяки!

– Она хотела, чтоб её хватали за что-нибудь другое, – бурчит Матвей за её спиной. – Чего приключилось-то, господин Главный Оракул?

– Да уж, потрудитесь объясниться, – говорит Мадам, – что за представление вы здесь устроили? На каком основании прервали транс? Вам же известно, чем это грозит пифии!

Брель обводит наставников глазами. Говорит негромко:

– Вы что, ещё не знаете?

– Чего?

– Что не знаем?

– Сегодня во время трансa скончалась пифия Западного храма.

Елизавета громко ахает:

– Господи! Галочка!

Пауза. Главная говорит – очень медленно:

– Когда это случилось?

– Два часа назад, – говорит Брель. – Меня сразу поставили в известность. Сообщили и результаты предварительного вскрытия и химического анализа снадобий.

– Уже провели вскрытие?! – Елизавета с ужасом тарашится на Оракула.
– Для такой спешки должны быть очень серьёзные основания, – так же медленно, тщательно выговаривая слова, произносит директриса. – Надеюсь, они у вас есть?

– Да, – Брель косится на меня. – Причины смерти те же, что и у Далии: обширное кровоизлияние в мозг. В крови найдены препараты, понижающие свёртываемость крови и резко повышающие давление, в жаровне – кое-какие растительные аналоги... К сожалению, в отношении вашей ученицы такой проверки в своё время сделано не было.

– Но как же оперативно сработано! Вероятно, вы были готовы к такому развитию событий?

Мадам его всё-таки достала. Брель на секунду прикрывает глаза, лицо осунулось от усилия – и Оракул отзывается всё тем же ровным голосом:

– Разумеется. После нашего с вами разговора ко всем истинным пифиям был прикреплён наблюдатель...

– Слежка за пифиями?

– К сожалению, я недооценил опасность, – продолжает Оракул, словно его не перебивали. – И не предпринял вовремя необходимых мер.

– Вроде этих? – мадам кивает на дверь, за которой скрылись мужчины.

– Да, вроде этих... Всем истинным пифиям с сегодняшнего дня запрещено практиковать транс – вплоть до даты Большого Пророчества. Предприняты усиленные меры безопасности, все пары предсказателей будут немедленно доставлены в столицу. Те же ограничения касаются ваших учениц Цыпилмы Дариевой, Юлии Синельниковой – и, разумеется, вас самой, госпожа директриса!

Наверное, я сплю и вижу сон, в котором Мадам уже второй раз лишается дара речи.

Вместо неё выступает Елизавета.

– Прекратить учиться? СЕЙЧАС???. Но ведь Цыпилма практически же только начала постигать...

– Лучше быть живой недоучкой, госпожа наставница, – жёстко говорит Брель, – чем виртуозной и мёртвой.

Я с трудом успевала за ним по коридору. Брель говорил на ходу:

– Цыпилма, ты не должна выходить за пределы школы.

– В смысле – вообще?! А к родителям в воскресенье?

– Вообще. Позвонишь, предупредишь, что в эти выходные не придёшь. Ничего страшного.

– Господин Главный Оракул...

– Ещё ты не должна общаться с незнакомцами, хотя доступ в Школу, конечно, ограничат, но всё же...

– Господин Брель, а скажите...

– Не бери ни у кого никаких угощений, конфет, пирожных, или что вы там, девочки, любите. Постарайся всегда быть у всех на виду – в классе, в комнате со своими соседками...

Между прочим, и Далия, и эта... Галина были на виду у всего Храма, молча возразила я спине Оракула.

– Нет, лучше тебя везде будут сопровождать.

Что, и в туалет тоже?

– Сергей...

– Это только на несколько дней. Думаю, после Большого Пророчества всё наладится и...

– И нас перестанут убивать?

Бац! Я врезалась в резко остановившегося Оракула. Кажется, это становится моей постоянной привычкой. Скверной и травмоопасной. Хотя в этот раз Брель даже не охнул.

– Что? – негромко спросил он. – Что ты сказала?

Мы стояли вплотную, но никто из нас и не подумал отступить. Я вглядывалась в лицо Оракула. Жаль всё-таки, что коридоры школы так темны...

– Вы, правда, думаете, что нас с Юлькой хотят убить?

Глубокий вздох. Оракул неожиданно вскинул руки и прижал меня к себе – так сильно, что я и шевельнуться не могла. Пробормотал мне в затылок:

– Нет. Не тебя. Только не тебя...

Девчонки обалдело выслушали отрывистые указания Бреля о моём новом распорядке дня. Долго пожирали глазами отиравшихся в коридоре охранников – те вполголоса обсуждали меры безопасности. Наконец взрослые разошлись, и мы остались втроём.

– Ну?! – грозно спросила Сара, упирая руки в боки.

Ну, я и вывалила на головы соседок все дурацкие и страшные события последних дней. Мне, кстати, никто не велел соблюдать секретность. Девчонки, на удивление, даже и не моргнули при известии, что я стала истинной. Наверное, давно сложили дважды два – мои индивидуальные уроки в классе предсказаний, ежедневные визиты ГГО – и получили верный результат.

Оля, подперев обеими руками голову, глазела на меня.

– Значит, ты будешь участвовать в Большом Пророчестве?

– Ну, – отозвалась я убито. – Придётся теперь, раз Галина... ум-мерла...

– Раз её убили!

– Сара! – прикрикнула Ольга. – Брель же сказал, что это только подозрение!

– Да-а, а как в жаровню попали все эти препараты?

– Ну мало ли...

– Вот именно, что мало и понятно – для чего!

– Что мы им такого сделали? – я свернулась клубком, обнимая подушку. – Кому истинные на хвост наступили?

– Наверняка какой-нибудь маньяк! – объявила Кольчужная. – Кто-то из пифий ему предсказал не то, что он хотел! Или... ну, допустим, он влюбился в Далию, а она ему отказала! И он её отравил, а потом загоревал и начал убивать остальных... И теперь он не остановится, пока не убьёт вас всех!

– Ну спасибо! – мрачно сказала я.

Ольга таращила на нас и без того громадные голубые глазищи.

– Вы что, не понимаете? Просто кто-то очень хочет, чтобы Большое Пророчество не состоялось!

– В смысле?

– Зачем это?

Между прочим, несмотря на свой... коровий вид, Иванова – мозговой центр нашей комнаты. Сара всегда брызжет идеями, я её с энтузиазмом поддерживаю, а Ольга – раз, два – разложит их на блюдечке, и мы в яме.

– Тут два варианта. Либо хотят доказать, что власть и без пифий распрекрасно обходится, либо кто-то опасается результата пророчества...

– А чего его опасаться? Ещё же неизвестно, какое оно будет...

– Ты чем слушала?!

– А чего?

– А того! Цыпилма будет искать ответ, какой ей прикажут! Так ведь, Цыпилма?

Я уныло кивнула в подушку.

– Ну, они крутят, типа это всё равно будет пророчество, но в принципе, да... А если что не так, Президент разгонит Школы и вообще всё порушит. Вот так я поняла...

– Вот козёл! – сказала Сара, и мы охотно согласились.

– А какое предсказание-то ему нужно? Про что вопрос? Хоть намекнули?

Я поколебалась. Были у меня догадки... но жуткие. Ну их!

– Не-а. Попробуй у Мадам вызнай что-то!

– А вот если... – медленно начала Кольчужная. – Цыпилма послушается, там ещё кто; сама Мадам скажет, что требуется... А вдруг кто-то из пифий не согласится? И...

– И их-то и убивают?! – подхватила Ольга. Обе в нетерпении уставились на меня. – Мадам ничего про несогласных не говорила?

– Главный разговаривал с Далией и её оракулом. Они сразу не ответили – обещали подумать, ну, наверное, там с Мадам посоветаться...

– И – что?

– ...сказал, что больше с Далией не виделся...

– Ну вот!

– Ерунда! – перебила Ольга. – Он же Главный Оракул! Что он будет так рисковать?

– Ой, риску там – сыпануть что-нибудь в жаровню! Кто её проверяет? Или вообще кого послать... Вон у него сколько охранников!

Я села, переводя взгляд с одной азартно спорящих подруг на другую. Сказала тоненьким голосом:

– Вы что?! Вы что, думаете, это сам... Брель?

Девочки смолкли.

– Да ну, ерунда, – подумав, сказала Сара.

– Нет, не ерунда! – теперь уже возразила разгорячившаяся Оля. – Вы много видели таких молодых Главных?

– Ни разу. И что?

– А то, что Брель – ставленник Президента! И будет поддерживать его до конца! Если Президента переизберут на второй срок, его заслуг-то уж не забудут!

Мы помолчали, обдумывая версию так и эдак. Несмотря на то, что Брель мой оракул и, в общем-то, ничего противного в нем нет, я не могла сходу отмести подозрения.

– И думаешь, весь сегодняшний переполох?..

– Для отвода глаз! – идея до того поглянулась Ольке, что она перестала, как обычно, сомневаться и анализировать.

– Давайте подумаем, кому ещё это может быть выгодно? – предложила я. – Может, это вообще работа пифий?

– С чего это?

– Ну-у-у... Может, кто-то из обычных пифий завидует истинным?

Теперь уже девчонкам не понравилась моя версия. Я поглядела на их кислые лица и поспешила добавить – для справедливости:

– Или какая-нибудь истинная решила известить всех остальных, типа «должен остаться только один»?

– Ну да, ты ещё скажи, что это наша Мадам! – скептически подхватила Сара.

– Между прочим, кто больше всех болеет о сохранении Школы и самого института пророчеств?

И мы хором замолкли. Уж кто и подходит для роли злодейки – так это наша Главная. С её-то змеиным взглядом, железной волей и фанатичной преданностью Школе.

– Ну мы вообще, – жалобно сказала Кольчужная, – вообще с ума сошли! Как она может убивать собственных учениц?

– Ну не знаю, – уже вяло возразила Ольга. – Может, всё-таки это кто-то со стороны? Экстремисты там какие-нибудь, те, кто против пророчеств, или какие-нибудь враги Президента...

– Как будто у нашего Президента вообще есть друзья!

Мы уже устали, хотя время от времени кто-нибудь подавал бессвязную реплику – не ради общего «расследования», а отвечая своим собственным мыслям. Последнее, что выдала Ольга в темноте комнаты, было произнесённое ясным и чётким голосом:

– Но кто бы это ни был, Цыпилму всё равно хотят убить!

– И тебе большое спасибо, – пробормотала я в подушку.

Девочки уже спали или делали вид. Я тоже старалась дышать потихоньку. Даже им я не сказала, почему Главный Оракул просто не должен быть главным подозреваемым – ведь не могла же я, в конце концов, обниматься с убийцей! Если, конечно, это можно назвать объятьями... Во всяком случае, впервые (кроме отца) меня прижимал к себе взрослый мужчина. Но у отца нет такого умопомрачительного парфюма. И таких твёрдых мышц. И вообще, Брель меня поцеловал... кажется.

Если можно считать настоящим поцелуем то, что он уткнулся губами в мою макушку.

По привычке я и на следующий день притащилась в класс Предсказаний. Наверно, по той же привычке там по-прежнему отирались Елизавета и Матвей. Меня даже не спросили – с чего это я вдруг прогуливаю занятия. Я присела на площадку. Поболтала ногами. И почувствовала, что, пожалуй, уже соскучилась. По негромкому голосу и одеколону оракула, по предвкушению-азарту погружения, по пропасти-полёту транс... Вот, значит, что такое яд предсказания? А что же тогда чувствуют пифии, которые перестают пророчествовать? На которых просто нет уже спроса?

Я взглянула на Елизавету. Если наша директриса хоть иногда практикует транс для Президента, то наставница – явно нет. Ну, разве что тайно, в своей комнате в крыле преподавателей... Угу, отвечая на чей-нибудь вопрос об очередном повышении оклада.

А ещё я в первый раз задумалась – истинная ли пифия наша наставница?

Елизавета, ломая пальцы, говорила необычно бессвязно:

– Если Школу закроют... боже мой... что нам делать, Матвей, что делать?

Оракул строгал очередную деревяшку. Отозвался беспечно:

– Что-что, пойдём мы с тобой, Лиза, на пенсию. Давно уже пора! Купим домик на берегу речки, рыбку будем ловить... не помрём с голоду, не бойся.

– Ах, боже мой, всё шутишь... а как, как я смогу без всего этого?! Как? А что же будет делать Она? Она ведь всю жизнь положила...

Она – видимо, наша Мадам.

Щурьясь, Матвей проверял грани своего изделия.

– Каждый из живущих положил жизнь на что-либо... Справится наша директриса, не с таким справлялась. Ну а если... и с этим справится. Не волнуйся, в любом случае она тебя не бросит.

– Как ты можешь быть таким спокойным! А эти... безответственные девчонки! Как они могли! Им же всё объяснили – что случится со Школой, со всеми нами в случае отказа. Нет, стоят на своём!

Матвей опустил деревяшку на колени. Сказал негромко:

– Теперь не стоят.

– Что?

– Говорю, теперь не стоят. Некоторые лежат. В морге.

Елизавета часто мигала (белки её блёкло-голубых глаз покраснели от расширившихся сосудов), и я поняла, наконец, о ком говорят – о погибших пифиях. Девчонки? Одной из умерших (убитых?) было уже полвека! Хотя... если наставница ровесница Главной, то они вполне могли ей казаться несмышлёнышами.

Елизавета схватилась за мгновенно покрасневший нос. Потом за грудь. Сцепила скрюченные пальцы.

– Ты что... думаешь, мне их не жалко? Они же все, все мои выпускницы... а Даляя самая!.. боже ты мой...

Сгорбившись, она пошла мелкими неровными шагами из класса. Матвей долго смотрел на свою деревяшку. Лишь когда вновь взялся за ножик, сказал мне:

– Брель говорит, ничего они в твоей жаровне не нашли. Ложная тревога.

Я пару раз мотнула ногой.

– Ну да, на фиг я кому-то нужна! И что, охрана снята? Я могу пойти погулять?

– Сиди уж, – буркнул оракул. – Здоровее будешь.

– Матвей, а вот чтобы составлять смеси для транса, какое образование нужно?

– Вы же проходили прикладную химию и травоведение.

– А ещё что?

– Медицинское высшее.

– А оракул тоже может составлять смеси?

– Ну, если получит сертификат, – Матвей глянул исподлобья. – Если ты думаешь, что отравитель – Сергей, выкинь из головы.

– Почему? Ведь кто-то же это проделывает?

– Если только это не одна большая и глупая случайность...

– Уж точно не одна! Далия, теперь Галина... а может, ещё раньше были? Матвей, были?

Матвей закричал.

– Кто ж теперь проверит...

– Матвей, я проверю, а ты задай мне вопрос.

– Что?

– Ну всё равно же, кто задаёт вопрос? Хоть мой оракул, хоть другой вопрошающий. Давай проведём транс-следствие?

Палочка сломалась в ручищах Матвея. Он с досадой отбросил половинки.

– Цыпилма, да ты рехнулась!

– В смысле?

– Мы не разыскиваем преступников! Для этого есть полиция!

– Но почему нет? Что тут такого? Мы им просто поможем...

– НЕТ!

Я аж пригнулась. Так на меня Матвей никогда не орал. Наставник большими стремительными шагами удрал из класса – от дальнейших расспросов и уговоров.

– Ну и подумаешь, – сказала я вязкой тишине класса. – А я вот возьму и предложу Брелю.

– Любопытно, – сказал Главный Государственный Оракул.

Он сидел напротив меня, задумчиво постукивая пальцами по подлокотникам кресла. И он пришёл сегодня – хотя сам же запретил транс. Наверное, у всех нас появилась одинаковая привычка ежедневно тусоваться в классе предсказаний. Я осторожно разглядывала его: по детективам убийца должен быть вне всяких подозрений. Так вот, Брель выглядел вне. Спокойный, уверенный. Властный, хотя и без выпячивания этой своей власти...

– В твоём предложении, Цыпилма, по сути нет ничего нового. Во все времена предсказателей привлекали для отправления правосудия – в спорных случаях. Да и сейчас такое изредка случается, только, конечно, не афишируется.

– А вот если?.. – загорелась я.

– ...кто-то из избалованных пифиями преступников узнал об этом и решил отомстить? Наши следователи отработывают и эту версию. Но – запомни, Цыпилма, – всё-таки мы не подменяем собой государственные службы, следственные органы, Интернет и поисковые системы. Мы лишь предлагаем людям варианты будущего.

– То есть, мы не будем...

– Мы не будем.

Ну вот, раз в жизни предложила что-то дельное – и тут обломили...

– А чего Матвей так на меня психанул?

Тут Брель улыбнулся – ну то есть, как всегда, шевельнул краешками губ.

– У вашего наставника очень богатая биография, о которой он предпочитает не распространяться. Но так как он включён в историю оракулов, которую мы изучаем в Школе Оракулов... что, трудно поверить?.. Так вот, в молодости он со своей пифией (а вашей директрисой) участвовал в изобличении серийного убийцы. Пророчество стало для следствия и суда решающим фактором – обвиняемого, который так и не признался, приговорили к смертной казни.

– Ого!

Брель сделал паузу.

– А через пару лет один из заключенных написал признание, что это он похищал и убивал детей. Семнадцать эпизодов, с точным указанием времени, места и способов...

Уф... Брель кивнул. Печально.

– Вот так.

Нас разбудили рано утром – такими ударищами в дверь, что та, хлипкая, жалобно затрещала. Меня подбросило с кровати. Ольга сидела напротив, прижав к груди руки и испуганно тараща глаза. Сара, схватив простынь, деловито наматывала её на себя наподобие тоги.

– Открывать? – спросила тихо. Я замотала головой, сердце просто выскакивало из груди.

– Кто там? – крикнула Сара.

Удары стихли.

– Это Брель, – глухо отозвались из-за двери. – Девушки, Цыпилма с вами? Откройте, пожалуйста.

Сара щёлкнула замком. Рукой отодвинув её в сторону, Оракул шагнул в комнату. За его спиной в коридоре маячили два «шкафа». Ольга пискнула и укуталась одеялом. Брель махом оказался возле моей кровати, схватил меня за локоть, поднимая.

– Вставай, поехали! Захвати с собой всё необходимое на день-два. Поторапливайся же, Цыпилма!

– Господин Главный Оракул, – вежливо сказала Сара от двери, – если бы вы дали Цыпилме одеться...

Брель опомнился, окинул меня взглядом, и лицо его дрогнуло в кривоватой усмешке. Разжал пальцы.

– Да. Конечно. У тебя есть пять минут. Десять от силы. Здравствуйте, девушки.

Ольга только глазами хлопала. Вежливая донельзя Кольчужная сказала:

– Доброе утро, господин Главный Оракул!

Брель вышел, и Сара прикрыла за ним дверь. Прижалась к ней спиной. Девчонки смотрели на меня. Я постояла возле тумбочки, потом подошла и выглянула в окно. Внизу никого не было, а высоты я не боюсь. Вдоль всего здания школы на уровне третьего этажа шёл бортик. А над запасным выходом есть бетонный козырёк, спрыгну. Можно ещё добраться до пристройки спортивного зала, но рискованно, со стороны площади меня кто-нибудь заметит...

– Я с ним никуда не поеду, – тихо сказала я.

– Счас, – сказала Сара и нырнула в санузел, зашумела вода душа.

Я торопливо одевалась. В «цивильное». Сара притащила из душа мою зубную пасту и щетку. Так, с собой запасные майку, трусики, носки... паспорт.

– Вы с ума сошли... – шёпотом сказала Оля.

– «Симку» смени, – напутствовала Сара. – Или вообще сотовым не пользуйся, я видела фильм, они по спутнику могут тебя вычислить... Тут вот у меня от стипендии осталось, потом вернёшь...

Сунула в карман рюкзака сложенные пополам бумажки.

– Вы что, рехнулись?!

– К родителям не ходи, там тебя в первую очередь будут искать.

– А куда тогда?

Сара, высунув голову в окно, огляделась. Доложила:

– Чисто!

– Вот телефон и адрес, – вдруг совершенно спокойно сказала Ольга. Она стояла рядом со мной в своей розовой кружевной ночнушке, протягивая какую-то бумажку. – Это мой друг, он тебе поможет.

– С-спасибо...

Ольга стянула через голову золотую цепочку с подвеской, подаренную родителями на шестнадцать лет.

– Сдашь в ломбард, если что...

– Ой, спасибо, девчонки!

Мы чуть ли не впервые за все годы в Школе обнялись, и я полезла за окно. Встала на карниз (пятки кроссовок слегка свисали), последний раз взглянула на встревоженные лица соседок.

– Пока...

И услышала, как в дверь постучали. Ещё вежливо.

– Ну сейчас! – раздраженно крикнула Кольчужная. – Прямо и душ девушке нельзя принять! Сейчас скажу, чтоб поторопилась.

Я отцепилась от подоконника.

Идти оказалось труднее, чем я думала. Местами бортик оказался разрушен, местами – мокрый от дождя, прошедшего ночью и не

высушенного ветром. Хорошо хоть, все окна по случаю раннего утра были ещё закрыты и задёрнуты шторами. А то всё бы моё продвижение вдоль здания Школы сопровождалось: «Доброе утро, Цыпилма! Как там погодка снаружи?»

Я с сомнением разглядывала козырёк над «запасным» выходом. Он казался очень древним, кое-где в трещинах даже проросли чахлые кустики. Ну ладно, промахнуться невозможно, а медлить – опасно. Ещё через пару минут дверь в нашу комнату просто выбьют...

Приземлившись на козырёк, я огляделась – задний двор был совершенно пуст. Уцепилась за край и, повиснув на мгновение, спрыгнула вниз.

Прямо в объятия Главного Оракула.

– Дурочка! – гневно сказал он, с силой встряхнув меня за плечи. – Господи, какая же ты дурочка!

И стиснув мою руку, поволок за собой.

Да ещё какая дура, надо было бежать через крышу спортзала!

...Девчонки продержались не десять, а целых двадцать пять минут. Когда начали выбивать дверь, забаррикадировали её кроватями и тумбочками. А сообразительный Главный Оракул понёсся за мной на улицу...

Мы ввалились в класс предсказаний, я увидела обращённые к нам лица наставников.

– Ну раз вся Школа стоит на ушах, значит, к нам заявился Главный Оракул собственной персоной! – хладнокровно произнесла Мадам.

Её взгляд скользнул нам за спину.

– Это ещё что?

Я оглянулась. Вслед за нами двое амбалов ввели Синельникову. Рядом с ними Юлька выглядела совсем крохотной и перепуганной.

– Что это такое, я вас спрашиваю?! – повысила голос Мадам. Встретилась глазами с Брелем и вдруг резко вздохнула. Медленно, опираясь руками о подлокотники, опустилась на сиденье.

– Кто на этот раз? – спросил Матвей через паузу.

– Ирина с Андреем. Автомобильная авария. Оба скончались на месте, – бесцветно доложил Оракул. – Так что... госпожа директриса, вам придется объяснить Юле, какая честь и обязанность ей предстоят.

– Честь! – сказала я сквозь зубы.

Брель покосился. Моей руки он так и не выпустил, только перехватил повыше, за запястье.

– Вы, Матвей, Юлия и Цыпилма заранее – то есть немедленно – выезжаете в охраняемый объект, где и будете ждать часа Большого Пророчества. Всё необходимое вам предоставят на базе. Прошу на выход.

– Лиза, – сказала Мадам (Та даже не моргнула – как стояла, вперив взгляд в стену при известии о новых погибших, так и застыла). – Остаёшься за меня. Все занятия, кроме предсказаний, по расписанию. Напомни повару, что у Ищенко с младшего курса день рождения, пусть не забудет про пирог. Юля, Цыпилма, идёмте.

Синельникова подбежала вприпрыжку, уцепилась за протянутую руку Мадам. Но Главный Оракул и не подумал отпустить меня – наоборот, сжал пальцы сильнее – да он так руку мне скоро просто ампутирует!

– Прошу прощения, госпожа директриса, но вы – все четверо – поедете порознь. Так безопаснее, не правда ли?

– И Цыпилму, конечно, доставите лично вы?

– Конечно.

– И насколько я могу вам доверять, господин оракул?

– А я – вам, госпожа пифия?

Их взгляды скрестились. Мадам пожала плечами. Бросив на ходу:

– Увидимся. Надеюсь, – вышла из класса. Тоскливо оглянувшись на Елизавету, Юлька под конвоем отправилась следом.

Матвей с почти насмешливым поклоном махнул рукой:

– После вас, господин оракул! Смотри, Серёга, поосторожней там.

– И ты тоже, Матвей! – отрывисто сказал тот и потащил меня к двери.

В коридоре под охраной маялись мои полуодетые соседки. При виде меня лица девчонок вытянулись. Я едва успела развести руками – вернее, свободной рукой, – мол, так вот получилось, как Оракул уже протащил меня мимо. Бросил на ходу с досадой:

– Оставьте девочек в покое! За мной.

Машина была другая – не та, на которой я уже ездила. Сколько их, служебных, у Главного Оракула? Может, как трусиков-«неделек» – на каждый день? Эта была серебристой, приземистой, похожей на ракету. И такой же скоростной, наверное. Эх, прокачусь!

Мы уселись на заднее сиденье. Брель глянул на переминавшегося рядом телохранителя.

– В чём дело, Виктор?

– Господин Главный Оракул, – смущённо произнёс тот – ух ты, он, оказывается, говорить умеет! – Может, подождём машины сопровождения?

– Некогда и незачем, – резко сказал Брель. – Чем меньше мы привлекаем внимания, тем лучше. Садись!

Ну да, типа таких «ракет» на улицах прямо пруд пруди! Совсем наш Главный оторвался от действительности! Чего там он копошится? А, пристёгивает меня... Никогда не видела, чтобы на заднем сиденье пристёгивались. Но Брель и сам застегнул ремень безопасности.

– Ну, ты знаешь, что делать, – сказал водителю, тот молча кивнул.

Виктор завозился, оглядываясь. Спросил – почти с обидой:

– А почему я не знаю?

– А ты следи за моей безопасностью, – отрезал Оракул. Раскомандовался сегодня! Коротко глянул на меня и вновь уставился перед собой.

– Почему ты пыталась убежать, Цыпилма?

– А вы угадайте! – предложила я.

– Видимо, я прохожу у тебя под грифом «Главный подозреваемый»?

– Но вам же выгодна смерть несогласных пифий?

Оракул задумчиво кивнул.

– Конечно. Как и вашей директрисе.

– Ну, мы и на неё думали, – честно сказала я. – Но...

– Не верится, правда? Вот и мне не верится. Но ещё больше я не верю в случайности.

Если эта машина и не самолёт, то ближайшая его родственница! Мы вырвались на хайвэй, и меня мягко вдавило в сиденье – точно мы уже взлетали.

– Снизь скорость, – сказал Виктор водителю.

– Нормально-нормально, – сказал Оракул. – Главное – не опоздать.

– Не нравится мне всё это, – бурчал телохранитель.

– Не беспокойся, Вить, не собираюсь я рисковать ни своей драгоценной персоной, ни тем более, жизнью моей пифии.

Я смотрела в окно, делая вид, что мне до них и дела нет. Как это прозвучало: «Жизнью моей пифии!» Но ведь кто-то же...

А если? Я повернулась к Брелю.

– А, может, это сам... – поглядела на передние сиденья и всё же продолжила, – Президент? Ну, в смысле, не сам, а...

– ...его спецслужбы отслеживают и убивают недовольных пифий? – легко закончил Оракул. – Нет.

– Почему нет?

Брель помолчал.

– Я не скажу, что он не способен отдать такой приказ, – затылки шофёра и телохранителя превратились в два больших уха. Неужели Брель не боится, что его заложат? – Но нет, не думаю. Он надеется на благоприятный исход Большого Пророчества.

– Ну конечно! Вы же с нашей Мадам ему пообещали! – с презрением сказала я. – И уже не в первый раз!

– Вижу, ты полистала учебник истории?

– Да! Из семи последних пророчеств только два противоречат воле Президента. И что это, по-вашему, значит?

– Может быть, то, что Президент мудр и проницателен? – предположил Оракул. Мне показалось, с одного из передних сидений донеслось хмыканье. Я тоже фыркнула и отвернулась к окну.

Мы уже съехали с хайвэя. Через пару минут я спросила:

– А куда мы едем-то? Главный Храм в другой стороне.

– Зато Ирина с Андреем ехали по прямой дороге, – как-то отсутствующе произнёс Оракул. – Саша, радио погромче!

Полуденный выпуск новостей.

– Ответственность за террористический акт, в ходе которого сегодня утром на Западном мосту погибли предсказатели Ирина и Андрей Матвиенко, – их автомобиль вытолкнули на ограждение моста и расстреляли из неопознанной машины – взяла на себя экстремистская группировка «За правду»...

Не веря своим ушам, я глянула на Брею. Тот молча слушал.

– Вы же сказали...

– Тш-ш!

– ...террористы заявили, что таким образом они борются с давней коррупцией института пророчеств, а также...

– Вы сказали...

– Я помню, что я сказал, – перебил меня Брель. – Оттого, что я не сказал про теракт, что-либо изменилось? Ирина и Андрей всё также мертвы.

– Но тогда...

– Вас всех надо было посадить в танк и доставить в Главный Храм? Мы поступили немного по-другому... И, кажется, правильно сделали. Саш?

– Да, похоже на «хвост».

Я и Виктор завертели головами, пытаюсь определить, какую машину они имеют в виду. Сзади и в рядах их ехала уйма.

– Это могут быть просто журналисты.

– А мы вот сейчас и проверим! – с этими словами водитель вывернул руль вправо, в образовавшийся небольшой зазор в первом ряду – сбоку завизжали и загудели. Мы здесь можем проехать только на двух колесах, подумала я, не успев даже зажмуриться, но мы ведь не мотоцикл...

Мы уже свернули.

Виктор рыкнул на Главного Оракула:

– Пригнитесь!

– Разумно, – тот съехал на сиденье, потянул вниз и меня. Скрючившись на сиденье, я теперь не видела улиц – только проносившиеся мимо дома. Машину бросало то влево, то вправо, мы петляли, как зайцы; водитель гонщик, что ли?

– Вы как хотите, – бормотал Виктор, чем-то пикикая, – а я вызываю подкрепление...

Оракул протянул руку:

– Дай-ка мне.

Телохранитель передал ему радиотелефон (или рацию? не понимаю разницы), Брель выключил аппарат и засунул себе за спину.

– Вы что?!

– Давай я вызову своё подкрепление, – Оракул вытащил из кармана пиджака маленький изящный сотовый. Нажал всего одну кнопку. – Мик.

– Тьфу! – с отвращением сказал Виктор и отвернулся. Хотя и продолжал слушать.

– Как там остальные? Хорошо. Кажется, клюнули на нас. Мы сейчас в районе площади Восстания, – водитель кинул машину влево, – ...были. Пасёт один – по крайней мере – серебристый джип номер... Номер?

– Заляпан номер, – буркнул Виктор.

– Номер неразличим. Ведите.

И закрыв сотовый, с безмятежным видом откинулся на спинку сиденья.

– Что, нельзя было мне сразу сказать? – напряжённо спросил Виктор.

– Нельзя, – сказал Брель. – Ты бы начал звонить начальству, начальство бы тебе запретило, ты б меня не пустил...

– Не пустил, – хмуро подтвердил Виктор.

– Вот потому и не сказал. Кстати, не факт, что они нацелились бы обязательно на нас.

– Не факт, что террористы выберут именно Главного Оракула?

Ирония в голосе телохранителя поразила меня до глубины души. Я-то думала, что он может только безмолвно стеречь и внимать своему божеству!

– Кажется, или мы оторвались? – спросил поглядывающий в зеркало шофёр.

Брель поднялся на сиденье, завернул голову.

– Рановато! Их ещё засечь не успели.

– Прикажете сдать назад, господин Оракул? – ехидно спросил водитель.

– Себя не жалко, девчонку бы пожалели, – продолжал ворчать Виктор. – А если они сейчас стрелять начнут?

– А ты у нас на что?

Но Брель посмотрел на меня сверху слегка озабоченно. Я начала садиться, и он прикрикнул:

– Ты куда? Лежи!

– Лежать! – передразнила я. – Мне же неудобно!

– Лежи, говорю!

Оракул с силой надавил на моё плечо.

Вовремя.

– Б...! – сказал водитель, и я снизу увидела, как на лобовое стекло надвигается громада серого джипа.

Они не стали догонять нас. Они нас встретили.

– Что с вами?!

– Ничего, все в порядке! – Брель, отмахиваясь, тащил меня за собой – именно тащил – я то и дело оглушённо встряхивала головой и еле-еле переставляла ноги.

Женщина, встречавшая нас у храма, потрусила рядом, испуганно заглядывая ему в лицо.

– Но у вас кровь! Что случилось? Вы попали в аварию?

Оракул прижал пыльную ладонь к лицу, посмотрел на неё и шмыгнул носом. Вытер о белоснежную (утром) рубашку, сказал отсутствующе:

– Ударился. Все пифии добрались нормально? Президент здесь?

– Да, конечно, все ждут только вас...

– Телевидение, журналисты на месте?

– Да-да! Вам обязательно нужен врач!

– Ничего мне не нужно! – окрысился Брель. – Идите предупредите, пусть будут готовы.

– Но...

– Быстро, я сказал!

Женщина рванула с места – куда там до неё спринтеру! Зато Сергей неожиданно замедлил шаг, потом и вовсе остановился, прислонился спиной к колонне. Тёмные круги вокруг глаз стали заметнее... или это он так побледнел?

– У вас сотрясение... кажется... – выдавила я. Сухой язык еле ворочался во рту.

– Не страшно, – сказал он, не открывая глаз. – Лёгкое. Ты... как?

– Никак.

Я привалилась к колонне рядом с ним. В храме было пусто, прохладно, темно. Зелёные малахитовые колонны терялись где-то далеко вверху. Оракул открыл глаза. Осторожно погладил-похлопал меня по плечу – пальцы его правой руки распухли и скрючились наподобие куриной лапки.

– Бедная моя девочка... ничего, немножко потерпи... немного осталось. Как я выгляжу?

– Ужасно! – искренне сказала я.

Он неожиданно широко улыбнулся: блеснули белые ровные зубы. Жаль, засохшая кровь, ссадины и пыль смазали впечатление от долгожданного события.

– Ты тоже... на конкурс красавиц сейчас не годишься...

– Горе какое, я ж там обычно занимаю первое место!

Раздалось цоканье – тётка возвращалась на всех парах.

– Все готовы!

– Хорошо... давайте всё-таки не будем пугать журналистов...

Мы завернули в какую-то комнату с большими зеркалами – гримёрка тут у них, что ли? Оракул пригляделся к своему отражению.

– Да-а-а...

Меня даже на «да» не хватило. Я просто стояла и смотрела на страшилище в зеркале: пыльные волосы клочками дыбом, на щеке – чёрный ребристый след, как будто кто-то наступил мне на лицо ботинком или я сама приложилась к протектору машины. Сухие распухшие губы вывернуты наружу, как у негра, в углу рта – запёкшаяся кровь. По шее и видневшемуся из разорванного свитера плечу будто наждачкой прошлись – от мелких осколков, что ли?

– Сядь, – Брель мягко усадил меня в кресло. – Дайте ей попить. Можно что-нибудь успокоительного. И умыться. Я на минуту.

Пришёл, и правда, через несколько минут, деловито застёгивая рукава свежей рубашки – ну точно, гримёрная, совмещенная с гардеробной! Причёсанный, лицо и шея чистые, с наспех налепленными пластырями. Кое-где из растревоженных ссадин вновь сочилась кровь. Брель отобрал у женщины влажное горячее полотенце, которым она пыталась меня вытереть, и послал за «формой» – это ещё что такое? Когда Главный принялся сам промакивать мне лицо, я зашипела.

А потом разревелась.

Брель испугался:

– Цыпилма, ты что? Так больно?

Я замотала головой, отобрала у него полотенце и уткнулась лицом, чтобы не слышно было моих завываний. Оракул постоял надо мной, как печальный памятник, потом принялся молча мотаться по комнате – туда-сюда, туда-сюда. Последний раз всхлипнув, я поклялась себе, что потом наревусь вдоволь, высморкалась в полотенце (фу, как некрасиво!) и спросила гнусаво:

– А сколько уже времени?

Брель автоматически вскинул руку, вздохнул:

– Не знаю... но по ощущениям – опаздываем мы порядочно.

Влетевшая женщина затрясла передо мной, как перед быком, тряпкой – но серой:

– Вот! Надевай скорее!

«Скорее» получилось только с помощью их обоих – прямо поверх рваного свитера и джинсов. Я глянула в зеркало: да-а, понятно теперь, кто из нас рабочая лошадка! Больше всего это походило на рубаху умалишённой, которую вот-вот посадят на цепь. За её буйность. Брель, надевавший нечто красивое и белоснежное, пожал плечами в ответ на мою гримасу.

– Традиции!

Мы плелись по полутёмным высоким коридорам: тётенька бежала сзади и, едва не выдирая клочками волосы, пыталась меня причесать.

Для Большого пророчества выделено специальное помещение в самом сердце Храма – чтобы никакое внешнее воздействие не могло оказать влияния на предсказание. Ну да, конечно, ни малейшего влияния!

Охранники разошлись, пропуская нас. За сомкнутыми створками высоких разукрашенных дверей жужжал улей. Я с внезапной паникой схватила Сергея за руку:

– Я боюсь, я же не знаю, что... как... делать!

Он посмотрел на меня – бледный, поцарапанный, с тёмными кругами вокруг глаз – но по-прежнему очень спокойный.

Наклонился – и шепнул мне:

– Втирай очки!

И обеими руками толкнул широкие створки.

Свет, шум, сотни устремленных на нас глаз... Я едва не отпрянула назад. Главное – не запнуться, ведь я почти ослепла от направленных на нас софитов и вспышек фотосъёмки, да ещё то и дело наступала на длинный подол проклятого балахона.

– А вот, наконец, Главный Оракул!..

– Его незнакомая пифия выглядит просто школьницей...

– Что вы чувствуете, в первый раз участвуя в Большом Пророчестве?

– Вы знаете, каков будет вопрос Президента?

– Верно ли экстремистская группировка «За правду!» утверждает, что исход Пророчества уже предreshён?

– Что вас так задержало?

Вот на это Брель ответил.

– Пробки, – сказал он. – Здравствуйте, господин Президент!

– Надо с этими пробками что-то делать! Мы уже заждались, – объявил тот, энергично пожимая правую – повреждённую – руку Оракула (наверно, только я заметила, как по лицу Бреля прошла судорога). – Ну всё, Сергей, командуй парадом!

Он широким жестом обвёл полукруглый зал. У дальней стены разместились постаменты (другого слова не подберёшь) для пифий. Брель подвёл меня к свободному центральному, помог взобраться на него. Я увидела, как директриса и Матвей, вытянув шеи, пытаются оценить степень повреждений – моих и оракула. Матвей, криво улыбаясь, помахал мне рукой.

Лора на нас даже не взглянула – наверное, обиделась на оракула, который предпочёл ей свежеиспечённую пифию-недоучку. Знай она о нашей сегодняшней поездке, быстренько сменила бы гнев на милость. Ещё и поблагодарила бы Бреля за выбор!

Синельникова – я глазам не верю! – бойко беседовала со своим оракулом, угрюмым мужчиной лет сорока. Тоже, наверняка, опытным. Юлька, в отличие от меня, совершенно ничего не боялась, купалась в свете софитов и вспышек, как в чём-то само собой разумеющемся в жизни истинной пифии... позавидуешь! Над моим лицом опрокинулся прозрачный полушлем, через который будут подаваться зелья. Надеюсь, Брель всё-таки проверит их состав...

Журналисты обстреляли нас многочисленными вспышками и убрались за дверь. Им и снаружи будет всё видно и слышно на большом экране (как и всей стране), а впустят их лишь когда Главный Оракул будет объявлять результаты пророчества. Остались только мы и вопрошающий – Президент.

Заработали индивидуальные вытяжки: в Школу бы такую аппаратуру, а то у нас всё по старинке – жаровня да древняя гудящая вентиляция. Ещё и постаменты оказались неожиданно удобными. Главный Оракул склонился надо мной – вместе со знакомым одеколоном я вдохнула запах его пота – запах страха и агрессии. Странно, но этот запах не был отвратительным. Так, наверное, пахну сейчас я сама.

– Всё будет хорошо, – пообещал Сергей.

Я не поверила ему, но закрыла глаза.

Я погружалась в транс медленно, то и дело выныривая в действительность. Часовой давности действительность.

Кажется, это называется флэшбэк.

...Водитель всё-таки успеваеет вывернуть руль влево...

...Мотор джипа, придавившего нашу машину к стене дома, нутужно воеет – кажется, и они что-то повредили... Вон и лобовое стекло разбито. Ведь не может же быть, чтобы Виктор успел выстрелить?

...Оракул с силой тащит меня за шиворот куртки – я еле успеваю перебирать ногами, чтобы попросту не клонуть носом асфальт...

...Арка заканчивается глухими металлическими воротами. Как может арка заканчиваться воротами? Тут нет даже мусорных бачков, чтобы спрятаться.

Потому что дверь джипа распахивается.

...Главный Оракул стоит, привалившись боком к исписанной чёрно-красными граффити стене, и шарит рукой по одежде. Я думаю, он опять ищет телефон, чтоб позвать на помощь неведомого Мика, но Брель вытаскивает пистолет. Когда я пытаюсь выглянуть, оракул с силой пинает меня, и я врезаюсь спиной в ворота. Такой грохот!

Я даже не сразу понимаю, что грохот вовсе не от моего падения, а от выстрела.

...Скорчившись, прижимая руки к ушам, я смотрю, как Оракул делает неровный шаг к выходу из арки, перекрытому нагромождением двух машин, снова подымает руку с пистолетом – и опускает...

Я убираю ладони и сквозь гул в ушах слышу:

– Сергей, где вы там? Брель!

...Он зачем-то смотрит на часы – проверяет, за сколько минут прибыла помощь, что ли? – металлический браслет цел, а осколки циферблата ссыпаются на асфальт.

– Противоударные... – говорит Сергей.

Я стою на коленях и кричу на Главного Государственного Оракула:

– И что?! Это всё стоит вашего Большого Пророчества?

Он, морщась, трёт висок. Бормочет:

– Надо было, действительно, в танке...

Пропасть, пропасть, пропасть... Переставить ударение и получится глагол – с тем же смыслом. Как тут можно выбрать хоть что-то?

Я скользила вслед за своим оракулом. Долго, долго, слишком долго, остальные, наверное, уже давно вышли из транса... Оракул, наконец, остановился, наклонился, а потом присел на корточки. Не нить, а росток, жалкий, тонкий, вялый росток, лишь намекающий на возможность благоприятного – для нас – исхода. Я выпрямилась и посмотрела вдоль линий координат. Бесполезно. Чернота и труха. Нити рассыпались не то что от прикосновения – от самого моего взгляда. Даже оракул понимал это, потому что упорно не вставал с колен возле единственного гибнущего ростка надежды; глядел на меня с ожиданием.

Нет, сказала я ему и повернула назад. Нет, невозможно, невысказано. Без-на-дѣж-но.

Чёрные нити моего предсказания, моих бессмысленных ответов сплетались передо мной в прочную сеть, не пускающую меня в действительность. Сеть поддавалась рывкам, рассыпалась – и вновь и

вновь сплеталась во всё более прочную, всё более мрачную стену, из-за которой нам предстоит выглядывать наружу, в красно-чёрный ужас будущего... Как он не понимает? Как он...

Я разорвала кровоточащими пальцами ещё одну сеть – но следующая – более высокая, более прочная, преградила мне дорогу. И всё это делает оракул, мой оракул!

Тогда, не помня себя, я повернулась – я сдвинулась за это время лишь на десяток сантиметров – и полоснула его по лицу ногтями...

Главный Оракул прижимает руку к щеке. Я уверена, что из-под руки сочится кровь, да и он, кажется, этого ожидает – отнимая ладонь, Брель смотрит на неё. Но на лице только утренние ссадины.

– Дерущая когтями... – шёпотом говорит он. – Твоё имя. Да, так...

Я оглядываюсь. Я опять болталась в трансе дольше всех. Журналисты тоже тут как тут – ну да, я последняя, и сейчас Главный Оракул должен объявить итоги Большого пророчества.

Я не могу взять в толк, что за знаки делает мне Матвей, но когда он ещё и беззвучно артикулирует, понимаю и вздрагиваю – шесть на шесть. Шесть – за, шесть – против.

Моё предсказание оказалось решающим.

– Итак? – звучным голосом осведомляется Президент.

Брель всё смотрит на меня исподлобья – без его привычных тонированных очков я впервые разглядела, что вокруг зрачков у него золотисто-карие крапинки. Отворачивается. Спина оракула прямая, плечи развёрнуты. Голова склонена, словно Брель ищет пророчество на полу у своих ног.

– Ну? – уже нетерпеливое.

Я очень чётко вижу обращённые к Сергею лица, все до единого: внимательные глаза, полуоткрытые рты, протянутые микрофоны и диктофоны. И ещё слышу тишину – не бывает такой, когда в одной комнате одновременно находится несколько десятков человек.

Главный Оракул поднимает голову. Голос его, как всегда, негромок, но и этот голос ударяет по нервам:

– Пропать ждёт, улыбается пламенной пастью. Пламя лижет канат, на котором танцуешь. Канат выгорает. Шаг – туда – без надежды. Возврата.

Пауза. Обычно звучный голос Президента сейчас тих и неприятен – ножом по стеклу:

– И что это значит, господин Главный Оракул? Это значит...

– Не-е-ет! – ликующе вопит кто-то из журналистов, и все словно просыпаются – шум, вспышки, толкотня. Не обращая внимания на этот бардак, Президент шагает вперёд, к своему Оракулу. Кажется, он

готов его ударить – часть журналистов кидается чуть ли не на колени, чтобы заснять историческую бойню. Но Президент говорит только:

– Вот так, мальчик. Ты только что просрал свою карьеру.

Ей-богу, он говорит именно это, и несколько десятков газетчиков и телевизионщиков записывает и снимает его слова.

Как и ответ Сергея:

– Вы тоже, господин Президент.

Президент поворачивается и скрывается в толпе, распахивая её с помощью локтей и охраны. Стая журналистов налетает на Бреля, тот отшатывается – то ли с не привычки, то ли от того что у него кружится голова. Прислоняется к постаменту, скрещивает на груди руки. И молчит. Вопросы отскакивают от него, как пули от бронированного автомобиля. Если и остаются следы-ссадины, их пока не видно.

– Как вы прокомментируете слова Президента?

– Значит ли это, что он ждал от вас определённого пророчества?

– Связано ли ваше опоздание с перестрелкой и столкнувшимися машинами в районе Старой площади?

– Там погиб ваш личный телохранитель?

– Почему вы работали такую молодую и наверняка неопытную пифию?

Кое-кто прорывается и ко мне, но я даже не пытаюсь вникать в вопросы. Крою их киношной фразой:

– Никаких комментариев!

Сползаю и присоединяюсь к своему оракулу – недолго же он им пробыл! Брель смотрит сквозь ресницы и вновь закрывает глаза. Кажется, его тошнит. Надеюсь, всё-таки от сотрясения мозга, а не от меня. Мало помалу журналисты, поняв, что здесь им ничего не светит, переключается на остальных. Юлька сидит, точно королева и, сияя, отвечает на вопросы: как она, такая юная... Вот не подозревала, что в ней столько артистизма! Или просто его негде было раньше проявить?

К нам проталкивается Матвей, хватает и трясёт руку Бреля.

– Ох! – говорит тот, вырывает руку и с гримасой её убаюкивает.

– Ну ты и... молодчага! – говорит наш школьный оракул, щерясь во весь неполнозубый рот. – Что там случилось? Кто вас так уделал? Сорока, ты-то как, все кости целые?

Я пожимаю плечами, подтягиваюсь и усаживаюсь на постаменте. Только в таком положении из-под длинного подола видны мои кроссовки.

Охрана выпроваживает ненасытных журналистов; пифии и оракулы, негромко переговариваясь, собираются кучками. К нам никто не подходит, но и расходиться не торопятся. Все смотрят на нас и ждут слова Главного Оракула.

Ну, он и говорит его – почти весело:

– Всем спасибо, все свободны!

Предсказатели практически безмолвно тянутся к выходу. Совсем не то они хотели услышать...

– Да, и похоже, навсегда свободны! Не так ли, господин Главный Оракул?

Я по привычке вжимаю голову в плечи. Мадам останавливается перед нами. Она даже не смотрит в мою сторону – только с насмешкой и неприязнью на Сергея.

– И такое возможно, госпожа директриса, – учтиво говорит тот.

Мадам вздёргивает бровь:

– Что, одна маленькая неопытная девочка оказалась вам не по зубам?

Брель ведёт плечом и морщится – то ли от боли, то ли от отвращения.

– Можете гордиться своей ученицей!

Гордиться! Я ещё сильнее втягиваю голову. Одна маленькая неопытная девочка разрушила то, что Главная всю жизнь создавала. Если она меня захочет убить, я даже не буду сопротивляться.

Но Мадам меня просто не замечает, поворачивается к выходу. Так и уйдёт сейчас...

Я слышу знакомый голос:

– Боже мой, ничего не получилось, да?

– Лиза! – восклицает Мадам. – Ты как здесь?

Елизавета стоит перед ней, тиская в руках платок. Глаза её полны слёз:

– Всё равно не получилось, да? Из-за одной недоучки... прости меня, я не знала, что подведёт именно она... значит, и Далия и Галина умерли напрасно?

Пауза. Тяжёлая, чугунная пауза, словно клин, разбивающий камень-тишину. Я вновь трясую головой – то ли пытаюсь вернуть себе слух, то ли вытряхивая из ушей слова моей наставницы. Глаза Бреля широко раскрыты. Матвей сутулится, опираясь на постамент – всё сильнее и сильнее.

– Лиза, – тихо говорит директриса. – Так это... ты?

Елизавета мелко кивает, глядя на Главную.

– Да. Они не соглашались. Говорили, хватит прогибаться. Но ведь ты же права, так? Ты всегда права.

Мадам делает шаг. Говорит – ещё тише:

– А... остальные? Те, что умерли раньше...

– Помнишь, ты рассказывала, как тебе с ними тяжело приходится? Они говорили, наши методы устарели, и в Школе надо всё менять... А Зоя вообще пыталась сколотить против нас коалицию, помнишь?

– Лизонька, – голос директрисы тих и рассудителен. – Но ведь я не просила тебя... убивать их?

– Да, – наставница громко сморкается в платок. – Но кто-то же должен был тебе помочь.

Руки Главной взметнулись – я пугаюсь, что она сейчас набросится на Елизавету, оба оракула подаются вперёд, – но директриса просто крепко обнимает нашу наставницу за плечи и ведёт к выходу.

– Ладно, Лиза, пошли домой. Пока он у нас ещё есть.

Наставница шмыгает носом и оправдывается:

– Я же не знала, что так получится... что Цыпилма всё испортит... я думала, что если она...

– Да, знаю, – утешает её Мадам. – Ты хотела, как лучше.

Мы с Матвеем переглядываемся: глаза оракула печальны. Он приглаживает свою взбесившуюся шевелюру.

– Можно было догадаться...

Да. Можно было. Кто у нас лучший составитель смесей для трансов? Кто назубок знает, какое средство способно навредить каждой конкретной пифии? Для кого Школа – единственный дом, а Мадам – единственный оплот и опора в жизни? Директриса наверняка делилась проблемами со старыми соратниками и ровесниками, жаловалась на несговорчивость и неблагодарность своих бывших учениц. И вот Елизавета решила ей помочь.

Своеобразно.

– Ну что ж, – говорит Сергей со слабой усмешкой. – Теперь меня никто не подозревает?

– Знаешь... прости конечно... но лучше б всё-таки это был ты, – Матвей нерешительно поглядывает на распахнутые двери. – Пойду я... За девчонками надо бы присмотреть.

«Девчонки» – это две ушедшие престарелые пифии, понимаю я.

– Цыпилма, идёшь?

Я вопросительно гляжу на своего – не своего? – оракула. Так как он молчит, начинаю сползать с пьедестала.

Тут Брель говорит:

– Нет. (Я поспешно влезаю обратно) Нам обоим надо к врачу... и позавтракать, наконец.

– Ага, – глубококомысленно кивает Матвей. – На что мы годны... без завтраков. Сорока!

– А?

Матвей берет мою руку в свои широкие ладони.

– Не бойся возвращаться в Школу, Мадам перебесится и ещё будет гордиться тобой. Ладно, до вечера. И без эксцессов уже давайте.

– Да кому мы теперь нужны! – как-то даже весело машет рукой Сергей. Мы глядим вслед уходящему наставнику. Потом дружно

глазеем по сторонам. Кроме того, что я побаиваюсь смотреть на бывшего Главного Оракула, я пытаюсь запомнить эту комнату – ведь вряд ли здесь ещё когда побываю. Разве что с какой-нибудь экскурсией.

Наконец мы встречаемся глазами.

– Вы на меня сердитесь? – выпаливаю я, прежде чем он успевает что-то сказать.

Брель медлит. Потом кивает.

– Конечно, но это нормально. Пройдёт.

– Вот и Мадам... она ведь даже не взглянула на меня! – неожиданно жалуясь я.

– Просто ей стыдно.

Я пытаюсь представить, чтобы Мадам испытывала чувство стыда или... нерешительности. Не получается.

Настоящая улыбка Сергея так хороша, я даже засматриваюсь на него. Может быть, он и не улыбался раньше только потому, что тогда становилось ясно – какой он на самом деле молодой.

И даже симпатичный.

– Не беспокойся, чувство стыда тоже проходит! И очень быстро.

– А вы... что вы будете делать дальше?

Он обводит комнату последним долгим взглядом (тоже прощается?), отталкивается от постаментов и протягивает мне руку, за которую я охотно цепляюсь.

– Как думаешь, заслужили завтрак оракул и пифия, только что предотвратившие войну?

Сентябрь 2008 – май 2009

Литературно-художественное издание

КОЛЕСОВА Наталья Валенидовна

П И Ф И Я

Повесть

Вёрстка, корректура, ответственный за выпуск –
Калашников Н.Н.

На первой странице обложки –
фреска Микельанджело Буонароти
«Дельфийская сивилла»
– фрагмент Сикстинской капеллы

Тираж – 50 экз.

...Я танцую посреди города – мимо и сквозь меня движутся люди, едут машины. Идёт дождь; косые тёмные струи-струны с шумом секут воздух, не задевая меня, не оставляя и следа на моём белоснежном платье. Всюду, куда не кинь взгляд, город прочерчивают координатные линии проспектов, от них отходят новые линии – улиц и переулков, – и каждая точка пересечения даёт новый вариант развития и виденья мира. Я – Я! – могу выбирать любую из этих точек, нанизывать как бусины на канву событий, перебирать их, моделируя новые и новые узоры...

Я могу – могу! – пригласить на танец-узор само Мироздание.

Я склоняюсь перед ним в насмешливом поклоне: станцуй со мной белый танец, а там увидим, что у нас получится.

Мы танцуем...

